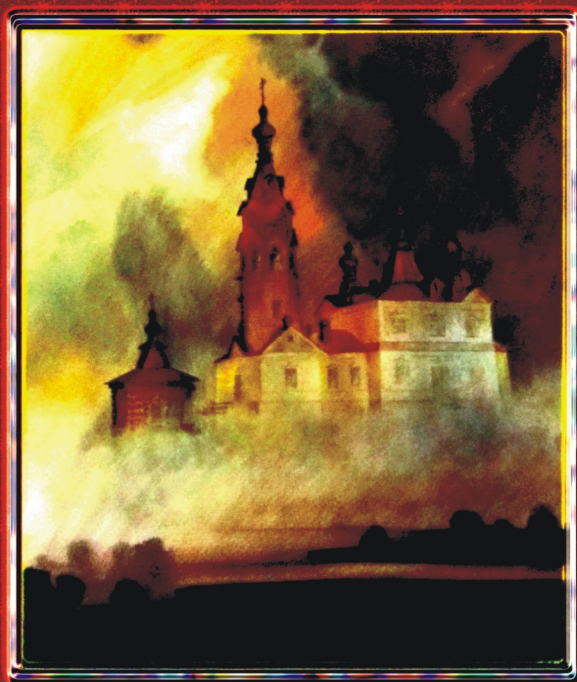

И.П. ЗЕЛЕНИН

УСТЬ-КАЧКИНСКАЯ СВАДЬБА

И.П. Зеленин

Усть-Качкинская свадьба

Пермь 2019

УДК 39
ББК 63.529
З 48

Зеленин И.П.

З 48 Усть-Качкинская свадьба / И.П. Зеленин. –
Пермь: Изд. Богатырёв П.Г., 2019. – 106 с. – ил.,
CD

Книга «Усть-Качкинская свадьба» создана на основе рукописей «История села Усть-Качки» (1951) и «Друженье и свадебные песни. Из прошлого с. Усть-Качки. Записки И.П. Зеленина» (1950-е гг.) усть-качкинского старожила, учителя, краеведа, в 1920-е годы священника храма Александра Невского в Усть-Качке Ивана Петровича Зеленина (1882–1961). Авторский текст дополнен историко-этнографическими и фольклорными материалами о месте «усть-качкинской свадьбы» в контексте свадебных традиций Среднего Прикамья.

Отдельные эпизоды свадебного обряда записаны со слов коренной жительницы Усть-Качки Валентины Павловны Зелениной (из рода Ермаковых).

К книге прилагается компакт-диск с записями свадебных песен (запись 1970-х гг.).

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 39
ББК 63.529

На обложке: «Усть-Качка. Видение храма». Нач. 1990-х гг. – работа члена Союза художников РФ Ю.И. Заботина.

© И.П. Зеленин, текст, 2019
© О.Г. Гайдаш, составление, предисловие,
заключение, комментарии и примечания, 2019
© В.П. Зеленина, фото, 2019
© Е.В. Чуйкина, дизайн обложки, макет, 2019

Предисловие

Старожильческое население Усть-Качки в большинстве своём – потомки выходцев с территории современного Оханского района Пермского края. Местное предание говорит о переселении на земли в устье р. Качки крепостных крестьян, принадлежавших Оханскому мужскому монастырю. Судя по преимущественной до недавнего времени в Усть-Качке фамилии, переселенцами была одна или несколько семей Зелениных. К концу XIX века подавляющее большинство населения Усть-Качки носило фамилию Зеленины. К старожильским, помимо Зелениных, могут быть отнесены фамилии Губиных, Вяткиных, Низовцевых.

Переселение русских на земли в среднем течении Камы началось уже в XVI веке. Особенно интенсивным оно стало после падения в 1552–1556 гг. Казанского и Астраханского ханств – остатков Золотой Орды.

В 1568 году жалованной грамотой царя Ивана IV (Грозного) строгановские владения были расширены и достигли устья р. Ласьвы, которая впадает в Каму в 16,5 км выше нынешней Усть-Качки. А в 1597 году Никита Григорьевич Строганов получает еще земли вниз по Каме до устья р. Ошاپ, что в 20 с небольшим километрах ниже устья р. Очёр и современного г. Оханска.

В переписной книге 1678 года Богородицко-Успенская пустынь возле починка «на охани» уже названа Оханским монастырём. По некоторым сведениям, ещё «до 1663 году

здесь было селение господ Строгановых, заведённое для рыбной ловли и называемое Охань [1]. Потом основан в нём монастырь» [2].

Первое письменное упоминание о поселении в устье р. Качки относится к началу XVII века. В писцовой книге Михаила Кайсарова, проводившего перепись на землях Строгановых в 1623–1624 годах, упоминается починок (однодворка) на Каме в устье р. Качки. «Переписная книга 1744 года декабря 9 дня Казанской губернии Пермской провинции уезда Соликамского вотчин господ баронов Александра Григорьевича с братьями Строгановыми» [3] содержит запись, согласно которой в починке «на Усть-Качке» числилось 25 человек мужского пола. Из них 13 записаны под фамилией «Устькачкинец», 8 под фамилией «Качкинец» и 4 записаны как Ширинкины. Таким образом, более половины жителей починка называли себя Устькачкинцами, что более похоже на прозвища, данные по месту жительства. Возможно, свои фамилии, если они у них к этому времени официально существовали, они по какой-то причине скрывали. Может были беглыми, что в те времена было обычным делом. Оттого и назвались «Устькачкинцами», у переписчика же не было нужды проводить по ним «розыск». То же можно сказать и про тех, кто записан как «Качкинец». Правда в последнем случае это может служить указанием на место их выхода – починок «на Качке» (позже – д. Качка).

Принимая во внимание вышеизложенное, следует предположить, что «Зеленины» появились в устье Качки позже 1744 года, возможно после того как Строгановы передали земли в устье Качки Оханскому монастырю в качестве вклада.

Следует обратить внимание, что «Устькачкинцевы» – это фамилия, встречающаяся в соседних с Усть-Качкой деревнях – Луговая и Заозерье. В самой же Усть-Качке этой

фамилии нет. Вероятным представляется, что «Устькачкинцы» были переселены на места деревень Луговая и Заозерье, когда в починке «на Усть-Качке» появились «монастырцы» – Зеленины.

В 1763–1764 годах, в царствование Екатерины II правительственным указом было упразднено множество монастырей. Упразднили и Оханский мужской монастырь, и монастырские крестьяне перешли в разряд государственных, но ещё долгое время усть-качкинцы носили прозвище «монастырцы».

Оханские земли начали осваиваться русскими в XVI веке. Для защиты своих владений Строгановы на р. Очёр, примерно в 15 км от его устья и нынешнего Оханска, в 1597 году основали укреплённое поселение – острожек с небольшим воинским гарнизоном из стрельцов. Очёрское поречье, пригодное для ведения сельского хозяйства, привлекало русских переселенцев пахотными и сенокосными угодьями. Выросшее под защитой острожка поселение существует до сих пор – это крупное село Острожка, некогда центр одноимённой волости Оханского уезда.

«...О потомках первопоселенцев впоследствии отзывались так: «Население волости принадлежит к потомкам старинных здешних поселенцев, вышедших из разных мест Поволжья – Симбирской, Казанской, Нижегородской губерний. Живя на дороге (имеется в виду Казанский тракт – О. Г.), крестьяне являются довольно понимающими, бойкими, подвижными и не производят впечатления мешковатости, неуклюжести. Отсутствует забитость, приниженность, что нередко бывает среди крепостных людей» [4].

Подобные типы описаны Иваном Петровичем Зелениным в его «Истории села Усть-Качки»: «Крестьяне – Усть-Качкинцы, жившие более свободно, были зажиточнее, культурнее и предприимчивее своих соседей – крепостных

крестьян. (...) Усть-Качкинцы были нрава крутого, сурового; грубоваты, но честны; смелы и не мстительны» [5].

Издавна жители Прикамья – это жители широких пространств. На реке, в лугах, на пашнях речных долин протекала их жизнь. А ещё были дороги, бесконечные русские дороги, где «за далью, даль». И река – та же дорога. Летом по ней шли караваны судов, зимой – обозы.

Усть-Качка была типичным речным селением. Рекой жили – по реке плавали на лодках, ездили «за реку», из реки брали воду, в реке ловили рыбу. Рыбный пирог занимал особое место на праздничном столе, в том числе свадебном. При этом, вкушая рыбу, вряд ли помнили об особом, символическом смысле этого блюда – во времена первых христиан рыба была тайным символом Иисуса Христа [6].

В Усть-Качке любили пение. Летними вечерами усть-качкинцы, особенно молодёжь, катаясь по Каме на лодках, пели. Пели на посиделках, пели и когда водили хороводы в «Камских лугах» в «чесноково заговенье» [7].

«Звучание песен напористое, очень сильное, звук вольный, широкий, посыл идёт вдаль. Если находиться рядом с исполнителями, то звук можно ощутить почти физически. (...) Сформировавшаяся на территории Среднего Прикамья манера пения, безусловно отличается от южно- и западно-русской, но, по нашим предположениям, камские просторы, характер взаимодействия людей, живущих на реке «диктуют» свои условия» [8].

Народная песенная культура населения Усть-Качки пришла с переселенцами с территории Очёрского поречья и прибрежных селений Оханского уезда, где до сих пор немало Зелениных, и где эта фамилия считается коренной, старинной. Среди тамошнего населения, кроме упомянутых выходцев из Поволжья, вероятно, было немало переселенцев с севера Прикамья, которое, в свою очередь, вобрало переселенцев с Русского Севера. Распространённые на

Урале фамилии – Вычегжанины, Тотмянины, Тойминцевы, Мезенцевы, Устюговы, Устюжанины, Двиняниновы, Подвинцевы, Лузины, Лузенины и им подобные указывают на места выхода переселенцев. Население же северных русских земель было ранее сформировано двумя основными потоками: новгородским и ростово-суздальским. Выходцев из ростово-суздальских земель называли на Севере «низовцами» и именно их потомки, по мнению ряда исследователей, составили основную массу переселенцев в Прикамье [9]. С ними в Прикамье пришли их музыкальные традиции и, в том числе, традиции и песни свадебного обряда. В обрядовых песнях «Усть-Качкинской свадьбы» отчётливы северные влияния. Кстати, одной из старожильческих фамилий в Усть-Качке является фамилия Низовцевы, что может указывать как на выходцев с низовой Камы, так и являться фамилией, произошедшей от прозвища переселенцев на Русский Север из ростово-суздальских земель.

В прежнее время свадьба в Усть-Качке была событием. Новость о сватовстве быстро разносилась по селу. В 1890 году в Усть-Качке насчитывалось 65 дворов. Из них Зелениных было 55. Все населявшие Усть-Качку «зеленины» состояли друг с другом в различной степени родства. Поэтому составлению супружеских пар уделялось особое внимание. Прикидывали степень родства, в котором находились друг другу жених и невеста. Сплошь и рядом оба были из «Зелениных». Брали невест и из соседних деревень, и из «закамы».

Когда юноша и девушка становились женихом и невестой, а «приняв закон» и став мужем и женой, создавали семью, начиналась новая, взрослая жизнь. Новые отношения, новые обязанности, новая родня. Всё вокруг вроде так же, да не так. И все те же, да не те. И слова новые – тесть, свёкр, теща, свекровь, шурин, деверь, золовка. И смотрят на тебя по-другому. И сам ты другой, и ты сама другая. Всё

по-другому, иначе. Иная жизнь. Своя жизнь. И заботы свои. И женщина эта – своя (моя). И муж, он тоже – свой (мой).

А начиналось всё со сватовства. До этого были гулянки, посиделки, хороводы и перемигивания, и даже поцелуйчики. Но вот отец с матерью о чём-то вполголоса переговариваются, приглашают крёстных, вечером куда-то едут. Возвращаются повеселевшие и объявляют, уже смекнувшему «что к чему» юноше, что «дали руку» и что теперь он – жених. А до этого в доме родителей девушки под вечер стук в дверь. Входят незнакомые люди. Нет, знакомые – свои, деревенские, но с незнакомыми лицами. Стоя у порога, говорят особенные слова. Про «князя», «про красный товар и купца»... «Ой, да это ведь сватать меня приехали!»

Родители юноши, присмотрев невесту и обсудив выбор в семейном кругу, приступали к сватовству. Сватовство обычно предварял сговор. Сговор предполагал разговор «с глазу на глаз», без посторонних. В отдельных случаях сторонами сговора могли быть отцы семейств, а его результаты оставались до времени в узком семейном кругу. И только найдя взаимопонимание и получив предварительное одобрение, приступали к сватанью. А иные так сразу сватали. Войдя в избу и стоя у порога, сваты заводили разговор о том, что «кабы вашу тёлочку да к нашему бычку...» или «вашу курочку к нашему петушку...». Использовались и другие иносказательные присловья, вроде: «У вас товар, у нас купец, у вас девица, а у нас молодец...» и тому подобные речения. Без одобрения, которое так или иначе высказывалось хозяевами, – родителями девушки, покидать место у порога и вставать под матицу было нельзя. Матица обозначала рубеж, переходить который без приглашения считалось невозможным [10]. Если хозяева, – отец с матерью, отвечали вроде: «Куда ей! Молода ещё. Ещё и постели своей нет, обрядить не во что. Рано, рано...» или иными

словами давали понять, что сватовство неуместно, сваты, потоптавшись у порога и сделав ещё одну-две попытки уговорить родителей с помощью образных выражений вроде: «Кабы бражка не перекисла, малинка не переспела...», прощались и уходили «не солоно хлебавши».

Если же хозяева приглашали «дорогих гостей» пройти в горницу, это означало согласие продолжить сватанье...

Усть-Качкинская свадьба по строю обрядовых действий и песен – это местный вариант традиционного свадебного действия, бытовавшего в культурном обиходе русского крестьянства Среднего Прикамья вплоть до 30–40-х годов XX века.

Для создания более полной картины «Усть-Качкинской свадьбы» глава из рукописи «История села Усть-Качки» – «Брак и свадебные обряды» была объединена с рукописью «Друженье и свадебные песни. Из прошлого с. Усть-Качки. Записки И.П. Зеленина».

Чтобы нагляднее представить культурно-исторический контекст усть-качкинского свадебного обряда, в разделе «Комментарии и примечания» приведены ссылки и выдержки из работ по свадебному фольклору и этнографии русского населения Среднего Прикамья.

Иван Петрович Зеленин

Усть-Качкинская свадьба

Усть-Качкинцы, будучи государственными крестьянами, до отмены крепостного права могли брать себе в жёны или мужья из соседних помещичьих деревень только с разрешения помещика с уплатой стоимости ВЫКУПА. Был единственный случай, когда усть-качкинский крестьянин Иван Михайлович Зеленин (дедушка Василия Тимофеевича Зеленина – конторщика) выкупил себе в жены из помещичьей деревни Вятские крестьянскую девушку Евдокию Алексеевну, заплатив за неё выкуп помещику 30 рублей. Будучи замужем, она часто в своих разговорах с гордостью рассказывала, что она «выкупная».

Ввиду таких затруднений жители Усть-Качки женились на своих же усть-качкинских девушках, поэтому все жители были перепутаны родством по линии отца или матери. Посторонние фамилии в население не проникали, а были все Зеленины за редким исключением.

В 1890 году из 65 дворов Зелениных было 55 дворов и только 10 дворов было других фамилий, а именно: Сосниных 3 двора, Губиных 3 двора, Вяткиных 2 двора, Путиловых 1 двор и Низовцевых 1 двор.

После отмены крепостного права можно было брать себе в жены без всякого выкупа во всех прежних помещичьих деревнях.

Мужчины, достигшие возраста, женились, так как при крестьянстве неженатому жить было трудно [11].

Брак в жизни человека – дело большой важности, он налагал пожизненные семейные узы. По поводу брака много поговорок: «Женишься не на год, а на век», «Жена не лапоть, с ноги не сбросишь», «Самый немудрый, худенький поп повенчает, а самому хорошему не развенчать». Брачные разводы были исключительно редки. Разводить имел право только церковный Синод, находившийся в Петербурге. В памяти сохранился единственный развод крестьянина Василия Ивановича Зеленина с его женой Аграфеной Ивановной. Ходатайство его продолжалось около 10 лет. Поэтому к браку относились очень серьезно и весьма своеобразно.

«Осторожнее жениться, ведь жена не рукавица, с белой ручки не стряхнешь и за пояс не заткнешь».

В прежние-давние времена задумают родители женить сына – соберут близкую родню и ведут совет: кого сватать, где лучшие девушки-невесты. По мнению многих крестьян лучше всех знали невест попы да нищие. Поп часто бывал по своему приходу, знал семейства крестьян и их детей. Нищие, ходя по сбору, слышали отзывы о молодых людях, женихах и невестах, а потому часто обращались к ним с разными расспросами, а к попам за советом.

Ценились невесты сильные, хорошие работницы [12]. Много внимания уделялось приданому невесты, а у жениха – зажиточности. С годами (возрастом) невесты и жениха, а также с их согласием считались мало, часто и совсем не считались. Нередки случаи были прежде, когда жена была старше своего мужа лет на 5–10.

Вот что рассказывал про свою женитьбу крестьянин Василий Алексеевич Зеленин (Баламыга): «Мне было 22 года. Ездил я в «дорогу». Уехали мы далеко за Екатеринбург. Возвратились домой после «Крещения». По приезде, за чайным столом отец мне говорит: «Хорошо приехал, мы тебя уже давно поджидаем. Надо». Я спрашиваю: «Зачем я дома нужен?» В это время подходит мать с полотенцем и говорит: «Вот тебе «дары» от невесты». Далее мне объясняют, что за меня высватали невесту в деревне Азановой у «Тимы Азана», Ксенью. По разговору, тону и взгляду я понял, что какие бы то ни было возражения напрасны, бесполезны».

Второй рассказ о своей женитьбе Михаила Прокопьевича Губина: «Была зима. Шло большое промежговенье (мясоед) [13]. Вечером я лёг на полати [14] «сумерничать». Отец с матерью лежали на печи [15]. Слышу, ведут между собой тихий разговор. Улавливаю слова матери: «Ну, что тебе сказали?» Отец отвечает: «Велели приехать в четверг. Тогда и руку дадут». Я догадался, что речь идёт о моей женитьбе, но спросить не посмел. Приходит четверг. Отец велит запрячь лошадь в «корзинку» [16]. Запрягаю, отворяю ему ворота, а когда он выехал, смотрю в которую сторону уехал свататься. Снова вечером я на полатах, а родители опять на печи. Прислушиваюсь внимательно. Слышу, отец говорит матери: «Ну вот, сегодня и руку дали». Тогда я не мог сдержаться, спрашиваю, про кого они говорят. Мать отвечает: «Не век же тебе холостому быть, надо, чтобы кто-нибудь мне помогал. Тебя женить будем». Спрашиваю: «На ком?» Отец отвечает: «За горой у Прони Турая дочь Олёну высватал [17]». В жизни её не видал, также и она меня. В первый раз я её увидал в просватанье, когда из-за навесы вывела её подружка-девушка. Я и тут не понял, которая из них невеста, но она была находчивее меня, протянула мне платок и стала рядом со мной. Я тогда только взглянул на

неё и подумал, что это и есть моя будущая жена, с которой должен жить весь свой век».

Ещё один рассказ Александры Львовны Зелениной о том, как женился её брат Петр Львович. «Моему отцу, Льву Романовичу» – рассказывала Александра Львовна, – «нравилась в Замельнице молодая невестка Губиных, Татьяна Марковна. Высокая, здоровая, красивая, свёкру и свекрови покорная. А у Татьяны Марковны была ещё сестра-девушка Анна Марковна, которая жила у отца Марка Александровича в деревне Кухрята [18] за Камой». Время пришло Льву Романовичу сына, Петра Львовича, женить. Вот он и решил взять в жёны сыну Анну Марковну. Поехал Лев Романович за Каму в Кухрята к Марку Александровичу. Невеста понравилась. Стал сватать. Получил согласие. Был установлен день просватанья. Марк Александрович беспокоился, что жених не видел невесты: «А вдруг приедете на просватанье, а он да и откажется. Позор! Неприятность!» Лев Романович его утешил и сказал: «Если мы приедем на просватанье, и мой сын заартачится, бери, Марк Александрович, моего коня, на котором приедем, а мы в наказание пешком домой пойдём». Пришёл день просватанья. Лев Романович с женихом, с семейными: замужней дочерью Александрой Львовной (рассказчицей), её мужем Иваном Фёдоровичем, Губиной Татьяной Марковной (сестрой невесты) и её мужем Александром Ивановичем поехали к невесте в Кухрята на просватанье. Дорогой Иван Фёдорович спрашивает жениха, видал ли он невесту. Пётр Львович отвечает, что невесты не знает, не видал. «Как же ты думаешь, если она тебе не понравится?» – спрашивает Иван Фёдорович. «Если не понравится», – говорит жених, «у меня ведь ноги есть, дорогу домой знаю, шапку в охапку да и домой» [19]. Это услышал его отец, Лев Романович, и сказал: «Только не домой». Достаточно было этих двух слов. В них было слышно

всё: непреклонная воля, решимость и бесповоротность. Говорить было не о чем. Всё понятно.

Приехали в Кухрята. Вечер. Темно, и в доме Марка Александровича огня ни в одном окне. Подошли к воротам – и ворота на затворе. Были удивлены. Уехать, не узнавши в чём дело, неловко. Остановились. Татьяна Марковна, как дочь Марка Александровича, стала стучать. Сразу появился свет во всех окнах. Выходят из избы. Растворяют ворота. Приветливо встречают, проводят в избу. В избе всё прибрано по-праздничному. Сообщают, что к приёму жениха и дорогих гостей всё готово. Поступили же так потому, что думали – могло всё случиться, так как жених не видал невесты. Немедленно была созвана родня невесты, девушки и «просватанье» началось. Варили пельмени, угощались, девушки пели песни. Всё прошло хорошо и весело. Когда возвращались домой, спросили жениха: «Как понравилась невеста?» Он отвечал: «Невеста понравилась. Приветливая, разговорная, только кофточка очень длинна».

Все пары в приведённых примерах в супружеской жизни были счастливы.

Свадьбы справляли богато, торжественно, весело. Достигнутое сватовством соглашение закреплялось старинной традицией: зажигали перед иконами свечи, молились Богу. Родители друг другу «давали руку», а также давали руку и жених с невестой. Дали руку – значит официально дали согласие на брак [20]. После этого обсуждалось – когда и как справлять свадьбу.

Назначался **ДЕНЬ ПРОСВАТАНЬЯ**, который был официальным актом перед всей роднёй о том, что означенные молодые люди помолвлены и с этого дня называли их официально жених и невеста перед общественностью. Просватанье всегда было у родителей невесты. Сюда приходил жених со своими родителями и близкими родственниками.

Созывались родственники невесты, подружки невесты, девушки. Готовили для угощения всегда пельмени, а со стороны жениха угощали вином [21].

Перед выходом к гостям подружки одевали невесту и заплетали ей косу, при этом пели (здесь и далее курсивом дополнения к авторскому тексту – О.Г. Гайдаш):

Да благослови меня Боже Господи, № 1*
Да запрестольная Богородица,
Да сесть на лавочку на дубовую,
На причаленку на кедровую.
Да перед Матерь Божию Богородицу,
Да перед Чудного Спаса образа,
Со кумушками, да с подруженьками,
С милосердными со сестрицами,
Со своей же девьей красотой,
Со украшенной, с бережённою,
Да чище злата, чище серебра,
Да чище скатного мелкого жемчуга.
Посмотрите, любезные подруженьки,
Сколь ясненько свечка теплится,
Сколь чиста моя девья красота,
Украшенная – сбережённая.
Не давала я ветру винути,
Ветру винути, дождю брызнути,
Супостату надсмеяться
Над моею же девьей красотой».
– «Задушевные мои подруженьки,
Заплетите мне косу трубчату
Мельче семечка, мельче конопляна,
Во три ножичка, во три булатные.

* Здесь и далее номер песни на компакт-диске.

Вовяжите мне ленты алые,
Дорогие да гарнитуровы».
– «Вот спасибо, любезные подруженьки,
Заплели мне трубчатую косу,
Сроду, отроду не во первые,
С девьей красотой в последние».

К столу, к гостям и к жениху невеста выводилась девушкой – близкой подружкой. Во время стола девушки пели величальные песни жениху, невесте и гостям [22].

Величальная песня жениху:

Как вechор было на вechере
У Надежды свет Тихоновны [23]
На просватаньи
Собиралось много кумушек,
Много кумушек-подруженок.
Прилетал тут млад ясен сокол;
Он садился на окошечко,
Да на серебряну причаленку [24].
Причаленка обломилаcя,
Окошечко растворилось.
Из высока, из нова терема
Увидала его маменька,
Говорила своей милой дочери
Что Надежде свет Тихоновне:
– «Ты сойди, сойди с высока терема,
Да приласкай к себе ясного сокола,
Ясного сокола заезжего,
Доброго молодца приезжего,
Что Петра свет Ивановича».
– «Ты родимая моя маменька,
Я бы рада сойти с терема,

Приласкать к себе ясного сокола;
Резвы ножки подсекаются,
Белы ручки опускаются,
С рук суперики [25] скатаются,
К молодцу в гости сряжаются.
Что не в гости не в гостюшки,
В вековечные хозяйюшки,
Что душа хороша девица,
Надежда свет Тихоновна
За удала добра молодца,
За Петра свет Ивановича».

После стола были игры. Приглашённые на просватанье девушки оставались у невесты до свадьбы. Шили невесте приданое. Днём шьют, а вечером приходили молодые люди, обыкновенно с гармошкой, играли, танцевали. Это называли **ДЕВИШНИКОМ**. Во время девишника, в условленный день, приходил к невесте жених со своими близкими товарищами, приносил **ГОСТИНЦЫ**, обыкновенно орехи, конфеты, пряники. Угощались все.

За гостинцами жениха девушки пели:

Рано-ли, рано-ли на заре,
Рано-ли, рано-ли на заре
Стояли кони на дворе,
Стояли кони на дворе.
Никто про них не ведал не знал,
Никто про них не ведал не знал.
Знала, познала девица одна,
Знала, познала девица одна
С по имени Надежда Тихоновна,
С по имени Надежда Тихоновна.
Брала коней она за поводы,

Брала коней она за поводы,
Вела коней на конюшный двор,
Вела коней на конюшный двор.
Сыпала пшены им вместо овса,
Сыпала пшены им вместо овса,
Лила меды им вместо воды,
Лила меды им вместо воды.
Отошедши от коней, кланялася,
Отошедши от коней, кланялася.
– «Ешьте вы, кони, вы кушайте,
Ешьте вы, кони, вы кушайте,
Завтра пораньше свезите меня,
Завтра пораньше свезите меня
Дальше, подальше от тятеньки,
Дальше, подальше от тятеньки,
Дальше подальше от родимого,
Дальше подальше от родимого,
Ближе, поближе к свёкру в дом,
Ближе, поближе к свёкру в дом».

Невеста угощала жениха, молодых людей и девушек чаем. После угощения были также игры, в которых чинно и степенно участвовали и жених с невестой.

Уходил жених с товарищами и девушки начинали ВЫТЬЁ [26]:

На синём было на море,
На тихой было на воде,
Тут лежал был горюч камешок [27].
Как на этом на камешке,
Тут сидела лебёдушка,
Жалобнёшенько вскеркивала:
– «Тебе Бог судья, Бог судья,

Тебе море Хвалынское.
К чему рано разыгралось,
С бережком сравнялось.
Потопило горюч камешок,
Унесло тепло гнёздышко.
Ещё знать мне, белёшеньке,
Мне на камешке не сиживати,
Тёпла гнёздышка не свивывати,
Малых детушек не сваживати».
– «Тебе Бог судья, Бог судья,
Ты, родимый мой тятенька,
Со родимой моей маменькой,
Отдаёте молодёшеньку,
На чужую сторонушку,
Недорослую в поле травоньку,
Нерасцвёлый алый цветочек.
На чужой-то сторонушке
Надо жить-быть умеючи,
Говорить разумеючи.
На чужой на сторонушке
Носят платье – не складывают,
Терпят горе – не сказывают.
На чужой на сторонушке
Посылают в полночь за водой
Не обуту, не одетую.
Я обулася, оделася,
За водой покатилася.
С родимой сторонушки
Прилетели гуси серые,
Возмутили воду светлую.
Я стояла, дожидалася,
Когда вода устоялася.
Почерпнула, домой пошла.
На гору поднималася,

На заре-то зарилось.
Деверьюшко-то встречу мне,
Да и свёкор у ворот стоит,
Да свекровушка бить велит.
Да спасибо золовьюшке,
Заступилась, замолвила
За меня молодёшеньку,
Что душу хорошу девицу».

* * *

Расшаталась черёмушка
Да перед яблоней кудрявою,
Да перед грушицей зелёною.
Расшаталась, расплакалась,
Что душа хороша девица
Пред своим родимым тятенькой,
Пред своей родимой маменькой.
– «Да уж ты, тятенька, родимый мой,
Вы на что пиво варите,
Да вы на что рано гостей зовёте?
Али хотите дитя крестить?
Али хотите сына женить?
Дитя крестить – не родилось,
Сына женить – не случилось».
– «Уж, ты свет, наша милая дочь,
Мы хотим тебя замуж отдать
За удала добра молодца,
За Петра свет Ивановича».

Если невеста была сиротой, то пели особую песню:

Ты река-ли, моя реченька, № 2
Ты река моя быстрая,
Течёшь, реченька, да не колыбнешься,

Ни в которую во сторонушку,
Не к востоку, да и не к западу,
Не ко батюшкину широку двору,
Не ко матушкиной белой горнице.
Что у батюшки в широком дворе,
Что у матушки в белой горнице
Много гостей, да много гостюшек,
Много кумушек, много подруженек.
Дорогого-то гостя нет нигде, -
Нету тятеньки, нет родимого,
Горе горькая сиротинушка.
(если нет матери, припевают – «нету матушки»)
Снарядить-то меня есть кому,
Проводить-то меня есть кому.
Что снарядят меня мои подруженьки,
Что проводят меня гости званые.
Да благословить-то меня ведь некому,
Горе горькую сиротинушку.
Да благословит меня родимый брателко
Вместо тятеньки родимого.
Да подымайтесь, ветры буйные,
Да вы пробрызните, часты дождички,
Да сколыбнися-ко, мать сыра земля.
Ты откройся-ко, гробова доска,
Да распахнитеся, белы саваны,
Да проткroyтeся, очи ясные,
Да вы возгорите, уста сахарные,
Вы восстанте-ко ножки резвые.
Да ты восстань-ко, родимый тятенька,
Да превратися ты в птицу лётную,
Прилети ты ко мне под окошечко,
Да послушай мои песни печальные,
Что печальные, да всё сиротские.
Да не расступится мать сыра земля,

Не откроется гробова доска,
Да не восстанет родимый тятенька,
Да не придёт ко мне на обрученье.
Ещё ждать мне, не дожидатся
Ни с которые сторонушки,
Горе, горькой сиротинушке.
Охти мнеченьки, сколь тошнёхонько!
Ретивому сердцу тяжелёхонько!

Между проставатаньем и обрученьем проходило около месяца или более – время, необходимое для шитья приданого и подготовки свадебных столов [28].

Накануне СВАДЬБЫ вечером к невесте приезжал или приходил жених с родителями и близкими родственниками на ОБРУЧЕНЬЕ. Рассаживались в таком порядке: садились на «мужскую лавку», которая шла от порога к переднему углу, первым – жених, возле жениха его отец, далее мужчины из гостей жениха и невесты. На «женскую лавку», которая шла от переднего угла к печи – на середь [29], впереди, оставив свободное место возле жениха для невесты, садилась мать жениха, затем женщины из гостей жениха и невесты. Когда всё было готово, из-за занавесы крёстная [30] выводила невесту и вручала её жениху.

При этом все вставали, крестились. Жених подводил невесту к приготовленному для неё месту рядом с собой. Зажигали свечи перед иконами, молились Богу. Жених испрашивал у родителей невесты благословления ДЛЯ ОТКРЫТИЯ СТОЛА. Родители благословляли. Начиналась процессия, которая называлась ПОДХОДИТЬ К ВИНУ [31]. Жених брал вино, наливал рюмки, которые стояли на подносе. Поднос держала невеста. Подходили попарно, обыкновенно муж с женой, одиночки с кем-либо парой или по одному, брали рюмки, пили за здоровье жениха и невесты.

ты. Первыми подходили родители невесты, затем по очереди, установленной родителями невесты.

При этом девушки пели:

Синее море, да на волнах ходило, № 3
на волнах ходило.

Зелено вино да на столах стояло,
на столах стояло.

Хорошая девица за столом стояла,
за столом стояла,

За столом стояла да думу думала,
да думу думала.

С думушки она слово вымолвила,
слово вымолвила:

– «Посмотрю я, да еще кто вино пьёт,
кто вино пьёт,

Кто вино пьёт, да еще кто зелено,
да ещё зелено.

Тятенька пьёт, с маменькой пьют,
с маменькой пьют.

По три кружки вина, по три зелёного,
по три зелёного.

Тятенька пейте, маменька пейте,
вы меня не пропейте,
вы меня не пропейте.

Хоть вы пропейте свой высокий терем
да белу горницу,
белу горницу.

Мне ведь того, мне не жаль ничего,
мне не жаль ничего.

Только мне жаль, жаль буйной головы,
буйной головы,

Трубчатой косы и девьей красоты,

девьей красоты».
То-то краса, то хороша,
то хороша,
Краса девушка, краса голубушкина,
краса голубушкина,
Молодой обрученной Надежды
свет Тихоновны,
Свет того краше Петра
свет Ивановича.

После вина начинался СТОЛ. Первым кушаньем был рыбный пирог, затем жаркое, холодное, пирожное [32]. Во время столования девушки пели величальные песни жениху и невесте, родителям жениха и другим гостям.

МАТЕРИ ЖЕНИХА:

По селям было селям, № 4
Да с по новым было селям.
Тут ходила, гуляла
Старого батюшки жена,
Старого батюшки жена,
Да женихова мать родна.
Во правой руке носила
Спаса образа Луку [33],
Во левой руке носила
Да воска ярого свечу.
Она поставила свечу
Да перед образа Луку.
Недалеко отошла да возмолилася,
На все стороны четыре поклонилася.
– «Уж ты, батюшка Лука,
Сочетай моё дитя

Да и отрока с отрочицею,
Да и молодца-то со девицею».

ДАЛЬНЕЙ ЖЕНИХОВОЙ ГОСТЬЕ:

Ещё чья, чья гостюшка № 5
Дорога не бывалая.
Мы не можем узнать её
Дорогую-то гостюшку,
Дорогу не бывалую.
У людей мы спросилися,
У бояр доложилися.
Что лицо-то у гостюшки,
Как у белой лебёдушки,
Да и брови у гостюшки,
Как пером нарисованные,
Да и очи у гостюшки,
Как две чёрные смородинки.
Да и платье на гостюшке,
Как вода так колышется,
Вешняя разливается.
Да шуба на гостюшке,
Что правая пола сто рублей,
А левая – во тысячу,
Ещё всей шубе цены нет.
Да цена оценная –
Удалой добрый молодец
Да Василий свет Ефимович.
Молодая боярони,
Дорогая наша гостюшка,
Мария душа
Да свет Андреевна.

После стола жених, простившись с родными невесты, уходил со своим родителями и родственниками домой. Невеста провожала жениха до ворот ограды. В это время девушки старались принести в избу приготовленную ржаную солому, чтобы невеста, воротясь с прощания с женихом, не ступила ногой на голый пол. Принесённую солому расстлали по всему полу. Начиналась игра и возня молодых парней с девушками, это называлось СОЛОМУ МЯТЬ [34]. После игры невеста садилась в передний угол, где ей обыкновенно была приготовлена постель [35]. Вокруг неё садились девушки и начиналось ВЫТЬЁ.

Пелись те же песни, что и в просватанье:

На синём было на море,
На тихой было на воде,
Тут лежал бел-горюч камешок.
Как на этом на камешке,
Тут сидела лебёдушка,
Жалобнёшенько вскеркивала:
– «Тебе Бог судья, Бог судья,
Тебе море Хвалыньское.
К чему рано разыгралось,
С бережком сравнялось.
Потопило горюч камешок,
Унесло тепло гнёздышко.
Ещё знать мне, белёшеньке,
Мне на камешке не сиживати,
Тёпла гнёздышка не свивывати,
Малых детушек не сваживати».
«Тебе Бог судья, Бог судья,
Ты, родимый мой тятенька,
Со родимой моей маменькой,
Отдаёте молодёшеньку,

На чужую сторонushку,
Недорослую в поле травоньку,
Нерасцвёлый алый цветочек.
На чужой-то сторонushке
Надо жить-быть умеючи,
Говорить разумеючи.
На чужой на сторонushке
Носят платье – не складывают,
Терпят горе – не сказывают.
На чужой на сторонushке
Посылают в полночь за водой
Не обуто, не одетую.
Я обулася, оделася,
За водой покатилася.
С родимой сторонushки
Прилетели гуси серые,
Возмутили воду светлую.
Я стояла, дожидалася,
Когда вода устоялася.
Почерпнула, домой пошла.
На гору поднималася,
На заре-то зарилося.
Деверьюшко-то встречу мне,
Да и свёкор у ворот стоит,
Да свекровушка бить велит.
Да спасибо золовьюшке,
Заступилась, замолвила
За меня молодёшеньку,
Что душу хорошу девицу».

* * *

Расшаталася черёмушка
Да перед яблоней кудрявою,
Да перед грушицей зелёною.

Расшаталась, расплакалась,
Что душа хороша девица
Пред своим родимым тятенькой,
Пред своей родимой маменькой.
– «Да уж ты, тятенька, родимый мой,
Вы на что пиво варите,
Да вы на что рано гостей зовёте?
Али хотите дитя крестить?
Али хотите сына женить?
Дитя крестить – не родилось,
Сына женить – не случилось».
– «Уж, ты свет, наша милая дочь,
Мы хотим тебя замуж отдать
За удала добра молодца,
За Петра свет Ивановича».

Невесте-сироте пели особую песню:

Ты река-ли, моя реченька, № 2
Ты река моя быстрая,
Течёшь, реченька, да не колыбнешься,
Ни в которую во сторонушку,
Не к востоку, да и не к западу,
Не ко батюшкину широку двору,
Не ко матушкиной белой горнице.
Что у батюшки в широком дворе,
Что у матушки в белой горнице
Много гостей, да много гостюшек,
Много кумушек, много подруженек.
Дорогого-то гостя нет нигде, -
Нету тятеньки, нет родимого,
Горе горькая сиротинушка.
(если нет матери, припевают – «нету матушки»)
Снарядить-то меня есть кому,

Проводить-то меня есть кому.
Что снарядят меня мои подруженьки,
Что проводят меня гости званые.
Да благословить-то меня ведь некому,
Горе горькую сиротинушку.
Да благословит меня родимый брателко
Вместо тятеньки родимого.
Да подымайтесь, ветры буйные,
Да вы пробрызните, часты дождички,
Да сколыбнися-ко, мать сыра земля.
Ты откройся-ко, гробова доска,
Да распахнитеся, белы саваны,
Да проткroyтeся, очи ясные,
Да вы возгорите, уста сахарные,
Вы восстанте-ко ножки резвые.
Да ты восстань-ко, родимый тятенька,
Да превратися ты в птицу лётную,
Прилети ты ко мне под окошечко,
Да послушай мои песни печальные,
Что печальные, да всё сиротские.
Да не расступится мать сыра земля,
Не откроется гробова доска,
Да не восстанет родимый тятенька,
Да не придёт ко мне на обручение.
Ещё ждать мне, не дожидатися
Ни с которые сторонушки,
Горе, горькой сиротинушке.
Охти мнеченьки, сколь тошнёхонько!
Ретивому сердцу тяжелёхонько!

Пелась заунывная, прощальная с девичьим житьем под
отцовским кровом песня. Невеста дарит свою красоту в по-
следний раз. ПРОЩАЕТСЯ С ДЕВЬЕЙ КРАСОТОЙ:

Я люблюсь тобой девья красота, № 6
Что последние-то часы минуточки.
Хорошо с тобой красоватися,
Тяжело с тобой расставатися.
Я возьму свою красоту,
Во свои-то руки белые,
Да возьму свою красоту,
Положу её на буйную головушку.
Я прижму свою красоту
К ретивому-то своему сердцу.
Ох ты девья, ты моя красота,
Да ты красуешься последние часы минуточки.
Хорошо тобой красоватися,
Тяжело с тобой расставатися.
Я раздам свою девью красоту
Своим кумушкам, своим подруженькам,
Своим сестрицам, своим племянницам.
– «Уж вы кумушки, мом подруженьки,
Дорогие мои сестрицы.
Уж вы так красуйтесь, как и я красовалась,
Что своей-то девьей красотой,
Что своим-то умом-разумом,
Дорогим-то своим обычаем.
Ты родимый мой тятенька,
Со родимой моей маменькой,
Вы положите-ко гривну золоту
На мою-то девью красоту.
Сколь чиста ваша гривна золота,
Столь честна моя девья красота,
Украшённая, сбережённая,
Да чище злата, чище серебра,
Да чище скатного мелкого жемчуга.
Не на льду-ли я обломила,ся,
Не в наледнике-ли обступилася?

Отдала свою девью красоту
Своим кумушкам, своим подруженькам,
Задушевым своим, разлюбезным своим.
Охти мнеченьки сколь тошнёхонько!
Ретивому сердцу тяжелёхонько!»

Затем ОТЕЦ С МАТЕРЬЮ ОТКАЗЫВАЮТ НЕВЕСТЕ
ОТ ХЛЕБА-СОЛИ. НЕВЕСТА И ДЕВУШКИ САДЯТСЯ
УЖИНАТЬ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ.

При этом подружки пели:

– «Уж вы, кумушки, мои подруженьки, № 7
Уж вы еште-ко наедайтеся,
Не надейтесь на гуся, на лебедя,
Не на малую серую утицу».
– «Вот спасибо, родимый тятенька
Со родимой моей маменькой.
Попила я у вас покушала,
Со кумушками-то, со подруженьками,
С милосродными со сестрицами,
Со своею девьей красотой
Сроду-отроду не во первые,
С девьей красотой в последние».
– «Приступись-ко, родимый тятенька
Ко столу-то, столу дубовому.
Призакрой-ко, родимый тятенька
Что скатерти новобранные.
Оттяни-ка, родимый тятенька,
Ты столы-то, столы дубовые.
Откажи-ка, родимый тятенька,
Ты от хлеба, ты мне от соли,
От премногой добродетели.

Да охти мнеченьки, сколь тошнёхонько!
Ретивому сердцу тяжелёхонько!»

В это время невеста свою косу завивала вокруг одной руки и крепко держала, а другой рукой держалась за стол, за которым сидела. В песне пелось про девичье беззаботное житьё, была просьба к родителям не отдавать её в чужую семью, не отказывать ей от родительского крова. В знак отказа от родительского крова отец от дочери отодвигал стол, а девушки отнимали и расплетали косу [36].

При расплетании косы пелось:

– «Уж вы кумушки, мои подруженьки, № 8

Задушевные, возлюбленные,
Расплетите мне трубчату косу,
Вы сповывяжите ленты алые,
Прирассыпте мои русые волосы
По моему-то платью чёрному,
Что по чёрному по кручёному,
Что на каждую волосиночку
По горячей слезиночке.

Я смело, смело хвалюсь, хвастаюсь
Перед вами, мои подруженьки,
Задушевные, разлюбезные,
Что чиста моя девья красота,
Что честна моя благодатная,
Украшённая, сбережённая,
Чище золота, да чище серебра,
Чище скатного мелкого жемчуга.
Не давала я ветру винути,
Ветру винути, дождю брызнути,
Супостату надсмеяться
Надо мной младёшенькой».

Невеста при пении прощальных слов песни падала на шею отца, а потом матери, братьев, сестёр, прощалась с ними и девичьим житьём. Смотришь на этот обычай и невольно роняешь слёзы, поэтому и называлось расплетение косы вытьём. После вытья никаких игр не бывало. Невеста с расплетенной косой ложилась спать.

ДЕНЬ СВАДЬБЫ. У жениха и невесты идут приготовления к угощению гостей. У жениха собирается формируется ПОЕЗД [37], который поедет к невесте столовать, а потом в церковь венчаться. ПОЕЗД состоял из следующих лиц: самое почётное место занимал ТЫСЯЦКИЙ, обыкновенно крёстный жениха, из женщин – СВАХА, крёстная жениха, а далее были и другие две-три свахи. После тысяцкого из мужчин были два человека – БОЛЬШИЕ БОЯРА. Если гостей у жениха было много, то и МАЛЫЕ БОЯРА, тоже двое. Затем, большей частью молодые люди, ДРУЖКИ. Их, смотря по количеству гостей, бывало двое или четверо. Тысяцкий был главный администратор поезда, он отдавал распоряжения. Дружки следили за исправностью и готовностью всего. Все движения дружки сопровождались ДРУЖЕНЬЕМ – особыми заученными приговорами под рифму. Вот поезд готов. Садятся за стол в таком порядке: на мужской лавке в переднем углу жених, рядом тысяцкий, большие и малые бояра, на скамьях дружки. На женской лавке рядом с женихом сваха, далее другие свахи. Налегке закусывают, чтобы встать и выехать из-за хлеба-соли.

Посылают дружек к невесте, узнать – готовы ли к приёму поезда, а также приготовить места для жениха и его приезжих гостей. Это называлось «ехать за ленточками». К приезду дружек гости невесты занимают все места за столом. Когда дружки приезжают, свободных мест нет, и они

ВЫКУПАЮТ МЕСТА, угощая вином сидящих за столом гостей невесты.

Дружка в доме невесты отворяет двери и дружит:

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
Дружка скок через порог,
Едва ноги переволок,
Глазками поволок.
Глазки мутятся,
Ко красным девушкам норовятся.
– «Не здесь ли было сватанье,
Не здесь ли было просватанье?
Не здесь ли было вино пито,
Не здесь ли было по рукам бито?
Ладно ли мы приехали?»

(Отвечают: «Здесь»)

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
Наш молодой князь
Остался в чистом поле,
В широком просторе,
Под белой берёзой,
Под зелёной веткой.
– «Жива ли здорова наша молодая обрученная?»

(Отвечают: «Жива и здорова»)

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
Встали мы сегодня с полночи,
Ехали торопились,
В трёх соснах заблудились.
Ехали по вашему волоку.

Ваш волок из семи ёлок.
Я на каждую ёлку глядел,
Пить и есть захотел.
– «Сватушко дорогой!
Не будет ли примочки
Из винной бочки?»»

(Отвечают: «Будет». Угощают дружек вином.)

Подъезжали к вашей деревне, как к городу,
К вашему дому, как к терему.
У ваших ворот стоит дворник Всеволод
И зевает во весь рот:
– «Эй, посторонись братцы-народ,
Как бы кому дружки не заехали а рот!»»

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Будет ли нашим лошадкам
Сена до колена, овса до щётки,
Воды до ушей?»»

(Отвечают: «Будет».)

– «А если нет хлеба печёного,
Или овса толчёного,
Тогда найди нам, сватушка, человека.
Мы с него снимем портки
И заставим всю ночь овёс толкчи».

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Будут ли нашим гостям столы дубовые,
Скатерти браные,
Питья медвяные,
Ествы сахарные,

Ложки-долгочерёнки,
Вилки-трёхножки?
Как хлебнуть, за пояс заткнуть,
Молодых молодушек под бок толкнуть,
Малых ребятишек на полатах
По лбу щелкнуть?»

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Будут ли нам, храбрым дружкам, знаки отличия,
Чтобы нам добрые люди дорогу давали,
А за жуликов нас не считали?»

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Тятенка родимый, Тихон Яковлевич
И маменька родимая, Александра Ивановна,
Как прикажете место выкупать?
Пивцом, винцом или этим кнутом?»

(Отвечают: «Вином»)

Дружка угощает гостей невесты вином.

После угощения гости встают и освобождают места для поезда жениха. Девушки приносят ленточки и прикалывают их к плечам дружек. Дружки одаривают девушек за ленточки и со значками-ленточками возвращаются обратно к жениху.

Вот в доме жениха ПОЕЗД для поездки к невесте готов. Тысяцкий командует отъезд. Дружка при отъезде ПОЕЗДА к невесте обращается к родителям жениха:

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Тятенька родимый, Иван Андреевич,
Маменька родимая, Елизавета Андреевна,
Благословите нашего молодого князя Петра Ивановича

Ехать в чистое поле, широкое раздолье,
Под частые звёзды, под луну Господню
За своей суженной – обрученной
Молодой княжной Надеждой Тихоновной,
Золотой венец принять, серебряный крест целовать».

Гости, ПОЕЗД жениха, вставши из-за хлеба-соли и помолвившись Богу, одеваются в путь. Жених, поклонившись в ноги своим родителям, затем крёстному и крёстной, благословляется венчальными иконами Спасителя и Божьей Матери, поочерёдно всеми.

На выезде из ворот ограды жениха дружка обращается к поезжанам:

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Все ли в скопе, все ли в сборе,
Все ли в добром здоровье?
Все ли выехали со двора?
Не оставили кого у стола?
Свахонька-сударынька!
Всех ли поезжан снарядила?
Всех ли по козелкам усадила?
Взяла ли ты белильца?
Взяла ли ты зеркальце?
Взяла ли ты башмачки?
Взяла ли ты шубку?
Взяла ли ты пуховую подушку,
Чтобы не заморозить молодую молодушку?
Все ли по местам?
У всех ли возжи по рукам?»

Едут в следующем порядке: впереди дружки. В их повозке у лошади поддужные колокольчики и бубенчики. За

ними бояре с венчальными иконами, потом жених с тысяцким, затем сваха – крёстная жениха и другие свахи.

Дружка в избе невесты. Поезд у ворот в ожидании свах невесты:

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.

– «Здравствуйте, господа!

Явились дружки к вам сюда!

За кого вы будете нас принимать?

Были мы в Тамбове,

Были мы в Ростове,

Были и в Казани,

Были и в Париже,

Были и ближе,

Но такой весёлой компании,

Какая здесь собралась, не видели».

– «Здравствуйте старые старички,

Дорогие гостиньки!

Здравствуйте старые старушки,

Молодые молодушки!

Здравствуйте красные девицы,

Пригожи мастерицы!

Здравствуйте столы, скамейки,

И все дорогие семейки!»

– «А теперь, любезная сватьяшка,

Я вам скажу и вас спрошу:

К дверям поставьте привратника,

К столу столечника,

К печке стряпуху,

Чтобы она печку открывала

Да нас, дружек, угощала!

Я вам, любезный сватушко, скажу –

Свою-то родню потчуй пивцом,

А нашу-то винцом!
Мы напьёмся у тебя попьанее,
Будем говорить про тебя повеселее:
Хорошо, мол, угостил!
Сватушко дорогой,
Выпьем ещё по рюмочке одной!»

Дружек угощают пивом или вином.

– «Сватушко дорогой,
Дай-ка мне, дружке, стульчик с перильцами,
Чтобы навалиться широкими крыльцами,
Вилку-трёхрожку, ложку-долгочерёнку.
Вилкой ткнуть, за пояс заткнуть,
А ложкой хлебнуть,
Маленьким ребятам на полатах по лбу шелкнуть,
Молодых молодушек под бок толкнуть,
Чтобы они не дремали,
Почаще пить да есть подавали.
Пить-то не пью, да честь люблю.
Боюсь сватушка, чтоб мне не напиться
Да и вас не напоить, да и родню не удивить».

Дружка обращается к гляденам, – людям, пришедшим посмотреть на свадьбу:

– «А вы, смотряки – широкие лбы, зачем пришли?
Не продать, не купить, – глаза полупить!»

Обращается к девушкам:

– «А вы, красные девицы, пригожны мастерицы
Идите за ворота.
Там вам поставят горшок каши.

Вы кашу хлебайте, да лбы не марайте,
Да меня, дружку, поминайте, –
Хорошо, мол, приготовлено».

Обращается к гостям невесты:

– «А вы, старые старички,
Седые бородушки, умные головушки,
Садитесь на лавочку вокруг,
Я вам поставлю пива куб.
Пиво-то пейте да меня, дружку, хвалите, –
Хорошо, мол, приготовлено».

Обращается к отцу и матери невесты:

– «А теперь, любезный сватушко,
И любезная сватьяшка,
Садитесь-ка да посмотрите
На свою любимую дочь.
Какое чадо вспоили и вскормили,
За дубовы столы посадили.
Она у вас жила – не мёд пила.
К нам приедет – не сахар будет есть.
А теперь мы увезём ваше чадо
В наше родовое стадо.
Её здесь теперь не дом,
Пора ей отсюда вон».

– «А сейчас, любезный сватушко
и любезная сватьяшка,
Как прикажете наших сватьяшек встречать?
В пестере нести или за руку вести?»

(Отвечают: «За руку вести»)

Обращается к свахам невесты:

– «А вы, любезные сватьяшки, идите встречайте
Наших сватьяшек винцом, да с пивцом.
Винцо-то берите не чекушечкой,
а целой четвертушечкой.
Рюмочки не выбирайте, а прямо в стаканчик наливайте.
Подносите, не сплесните.
Наливайте да подбавляйте».

Свахи невесты идут встречать свях жениха.

Жених и гости из поезда жениха входят в дом, раздеваются и садятся на выкупленные места в том же порядке, как сидели за столом жениха. При этом рядом с женихом остаётся свободное место.

Жениха встречают песней:

Из поля, поля, № 9
Из поля, поля
Бежит коней табун,
Бежит коней табун,
Вороных бежит табун,
Вороных бежит табун.
Един конь, един конь,
Един конь, един конь
Наперёд всех забегает,
Наперёд всех забегает.
Голову несёт,
Голову несёт
Золотою трубой,
Золотою трубой.
Гриву-то несёт,

Гриву-то несёт
Все поля устилает,
Все поля устилает.
Копыточки мечет,
Копыточки мечет
Путь-дорожку сечёт,
Путь-дорожку сечёт.
На коне сидит,
На коне сидит
Удалой молодец,
Удалой молодец
Да с по имени Пётр Иванович,
Да с по имени Пётр Иванович.
– «Дайте моё,
Дайте моё,
Дайте суженое,
Дайте суженое,
Дайте ряженое,
Дайте ряженое».
Вынесли ему,
Вынесли ему
Да окованные сундучки,
Да окованные сундучки.
– «Это не моё,
Это не моё,
Это не суженое,
Это не суженое,
Это не ряженое,
Это не ряженое.
Дайте моё,
Дайте моё,
Дайте суженое,
Дайте суженое,
Дайте ряженое,

Дайте ряженое».
Вывели ему,
Вывели ему
Что ворона коня,
Что ворона коня.
– «Это не моё,
Это не моё,
Это не сужение,
Это не сужение,
Это не ряженое,
Это не ряженое.
Дайте моё,
Дайте моё,
Дайте суженое,
Дайте суженое,
Дайте ряженое,
Дайте ряженое».
Вывели ему,
Вывели ему
Душу хорошу девицу,
Душу хорошу девицу
Надежду свет Тихоновну,
Надежду свет Тихоновну.
– « Это моя,
Это моя,
Это суженая,
Это суженая,
Это ряженая,
Это ряженая».

За занавесой девушки-подружки готовят-одевают невесту и поют:

– «Да отступитесь, князя бояра, № 10
От стола-то, стола дубового.
Да приступитесь, любезны подруженьки,
Что ко мне-то да молодёшеньке.
Горькой сиротиночке.
Я спрошу у вас, любезны подруженьки, –
Вы куда меня снаряжаете?
Вы куда меня сподобляете?
Да не в луга ли гулять во зелёные?
Не во травоньки ли во шелковые?
Не во цветики ли во лазоревые?
Да я сама себе догадалася,
Да вы куда меня снаряжаете,
Вы куда меня сподобляете.
Да во Божию церковь Богу молитися,
Да закон Божий приниматьи».

Дружка вынимает из привезённого сундука зеркало [38], на зеркало ставит ботинки, кладёт гребень и мыло, с приговором – друженьем идёт за занавесу:

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Тонкая белая занавесь распахнись,
Красные девушки на все четыре стороны расступись.
Я, дружка, иду неспроста:
Ножки с подходом,
Ручки с подносом,
Голова с низким поклоном,
Язык с частым наговором.
Как бы вам, красные девушки,
На носок не встать,

Как бы вам чулок не замарать.
Где наша молодая обрученная?
Просим её на резвы ножки встать,
От нас, дружек, подарок принять.
А нам, дружкам, поклон воздать».

Всё готово. Родители и крёстная благословляют невесту привезёнными боярами венчальными иконами. Невеста перед получением благословения кланяется в ноги родителям и крёстной. Распахивается занавес. Торжественно, с благословением, отец выводит невесту к поезду жениха.

Девушки поют песню, которая поётся, когда выводят невесту к жениху в последний раз перед венчанием:

Что не ласка касаточка	№ 11
Из тепла гнезда вылётывала.	
Не сама собой вылётывала,	
Выводил сударь батюшка,	
Он за правую рученьку,	
Он за левое крылышко.	
Отдавал дружкам на руки,	
А боярам-то на время,	
А Пётр-то на веки,	
Да Иванович на долгие.	
Да на хлебы ядрёные,	
Да на ествы сахарные,	
Да на питья медвяные,	
Что душу хорошу девицу	
Да Надежда-то Тихоновна	
За удала добра молодца	
За Петра Ивановича.	

Все встают. Зажигают перед иконами свечи, молятся. Жених отводит невесту на приготовленное место рядом с собой. Дружка спрашивает благословения у родителей невесты **ХЛЕБ-СОЛЬ НАЧАЛОВАТЬ**.

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Тятенька Тихон Яковлевич
И маменька Александра Ивановна
Благословите стол открыть, хлеб-соль величать».

Родители благословляют: «Бог благословит».

Дружка **ОТКРЫВАЕТ СТОЛ** – разрезает рыбный пирог. Оба дружки на вилках берут рыбы, обращаются к родителям невесты.

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Тятенька Тихон Яковлевич
и маменька Александра Ивановна
Пожалуйте хлеб-соль началовать».

Родители берут от дружек вилки с поданной рыбой и кушают, просят гостей угощаться.

Так поступают перед каждым кушаньем.

Начинается столование. Первым всегда подается рыбный пирог, затем холодные, жаркие, пирожные. Все кушают, кроме жениха с невестой, перед которыми, как и перед всеми лежит хлеб и столовые приборы. Они готовятся к великому таинству: **ВЕНЧАНИЮ**, во время которого им будет приготовлена общая чаша благословенного вина, и перед которым они воздерживаются от всяких яств, хотят принять её наголодное в знак готовности принять общую чашу своей супружеской, чистой, приятной и лёгкой жиз-

ни. Во время стола девушки поют величальные песни жениху, невесте, тысяцкому, боярам и дружкам, на которых лежит обязанность поддерживать весёлое настроение гостей.

ПОЁТСЯ ТЫСЯЦКОМУ:

Пристало черёмушке,
Пристало во лузях цвести.
Пристало дело тысяцкому,
Пристало впереди сидеть,
Впереди перед иконами.
Михаил свет Тихонович
Ты подвинься-ко тысяцкой,
Ты подвинься князе набольшой
Вдоль по лавочке дубовую,
По перине пуховую.
Над тобою же тысяцкой,
Стоит Спаса Пречистая,
Да Никола со смелостью,
Богородица со радостью.
Что Никола венец держит,
Богородица кольцо держит.
На тебе же ведь тысяцкой
Соболья шуба до полу,
А Божья милость до веку.
Что права пола сто рублей,
А левая – тысячу,
Ещё всей шубе цены нет.
Да цена оценная –
Молодая его боярони
Лидия свет Ефимовна.

№ 12

БОЛЬШОМУ БОЯРИНУ:

№ 13

Вылетал соловей из зелёных лузей
припев: Ой калина, ой малина!
Из зелёных лузей, из шелковых трав,
Ой калина, ой малина!
Садился соловей на красное крыльцо,
Ой калина, ой малина!
На красное крыльцо, на перилышки.
Ой калина, ой малина!
Ещё стал щекотать – нащекатывати,
Ой калина, ой малина!
Ещё стал говорить – выговаривати:
Ой калина, ой малина!
– «Ещё кто-то у нас во совете живёт,
Ой калина, ой малина!
Ещё кто-то у нас в великой любви
Ой калина, ой малина!
Во совете живёт Григорий молодец
Ой калина, ой малина!
Григорий молодец да свет Иванович
Ой калина, ой малина!
Со хорошей женой с Ольгой душой
Ой калина, ой малина!
С Ольгой душой да с Ивановной.
Ой калина, ой малина!
Да при доме ему хозяином быть,
Ой калина, ой малина!
Да при волости старшиною быть,
Ой калина, ой малина!
Что при городе городничим быть,
Ой калина, ой малина!
Городничим быть да по рынку ходить,
Ой калина, ой малина!

При губернии ему губернатором быть,
Ой калина, ой малина!
Губернатором быть да на стуле сидеть
Ой калина, ой малина!
Григорий молодца да Иванович
Ой калина, ой малина!
Со хорошей женой с Ольгой душой
Ой калина, ой малина!
С Ольгой душой да свет с Ивановной.
Ой калина, ой малина!»

БОЯРИНУ:

Сыплется, сыплется хмель над рекой,
Хвалится, хвалится соловей гнездом:
– «У меня, братцы, гнездо хорошо,
Ветром не веет, дождём не берёт,
Только берёт красным солнышком».
Сыплется, сыплется хмель над рекой,
Хвалится, хвалится молодец женой
Василий молодец да свет Дмитриевич:
– «У меня, братцы, жена хороша,
Жена хороша, Анастасия душа,
Анастасия душа да Тихоновна!
В пир она не ходит, к себе не зовёт,
Пива не пьёт, вина в рот не берёт.
Только и пьёт один сладкий мёд,
Сладкий мёд да со патокою».

БОЯРИНУ:

По столу-столичку дубовому *№ 14*
Плавала чарочка в сладком меду,
В сладком меду да со патокою.

Никто за эту чару не примется.
Примется, не примется один господин,
Един господин да Алексей молодец,
Алексей молодец да Тихонович-то
Сам изопьёт, своей жёнушке подаст.
– «Жена ты моя, ты испей у меня,
Ты испей у меня, ты искушай-ка».
– «Муженёк ты мой, мне не хочется.
Мне вчера мало спалось, много виделось.
Много во сне виделось, перевиделось.
Будто у нас среди дворичка
Протекала речка медвенная,
Выросла травонька шёлковая,
Расцвели цветики аленькие, васильковенькие».
– «Я тебе, душечка, сон расскажу,
Сон расскажу, как пером напишу:
Медвенная речка – питья наши,
Шелкава травонька – гости наши,
Аленькие цветики – дети при нас.
Дети наши, дети милые».
Есть же у них, есть и милый сын
С по имени Михаил молодец,
Свет Алексеевич.
Есть же у них и милая дочь
С по имени Вера душа,
Свет Алексеевна.
Посреди речки плавал павлин
С по имени Алексей свет Тихонович.
За ним плавала серая пава,
Его милая жена Антонина душа
Антонина душа, свет Яковлевна.

СВАХЕ:

С по сеням было сенечкам, № 15

Припев: Ой люли, люли!

(припев повторяется после каждой строки)

С по новым по решётчатым,

Тут ходила, гуляла,

Молодая боярони,

Лидия свет Ефимовна,

В руках она носила,

Две тарелки серебряные,

Две виты позолоченые.

Как на этих тарелочках,

Тут лежали два камешка,

Две алмазные вставочки.

– «Да пройдуся я по горнице,

Да с по новой во спальенку.

Подойду ко кроваточке,

Разбужу мужа милого,

Удала добра молодца

Да Михаила-то Тихоновича».

– «Уж ты встань, моё ласковое,

Пробудись, совестливое.

Отвязался твой добрый конь

Со столба от дубового,

От колечка серебрянного.

Он сповыломал железный тын,

Он сповытоптал зелёный сад,

Сад со калиною, со малиною,

С чёрной ягодой, со смородиной».

– «Ещё кто у нас по садичку гуляет,

Ещё кто у нас с по зелёному?

Да гуляет по садичку

Удалой добрый молодец

Михаил свет Тихонович—то
Да молодая боярня
Лидия душа, свет Ефимовна».

ВДОВОЙ СВАХЕ:

— «Что ты пава, что ты пава, № 16
Ты одна на воде, ты одна на воде?
Нет с тобой и гусей лебедей
Мелких пташечек, кенареечек».
— «Что ты вдова, ой что ты вдова
Ты одна на пиру, ты одна на пиру?»
— «Право не одна, право не одна,
Един Бог не одна, един Бог не одна.
Много со мной, много со мной
Роду племени, роду племени.
Есть же при мне, есть же при мне,
Есть и милый сын, есть и милый сын.
Есть же при мне, есть же при мне,
Есть и милая дочь, есть и милая дочь.
Ой нет же при мне, нет же при мне
Мужа милого, мужа милого.
Горькая я, ей горькая я
Сиротинушка, сиротинушка
С по имени Мария да свет Ефимовна».

СТАРШЕМУ ДРУЖКЕ:

Друженька хорошенький, друженька пригоженький
Михаил свет Алексеевич.
Припев: Друженька хорошенький, друженька
пригоженький (поётся после каждой строки)
Как на дружке-то шапочка бобровенькая,
Как на дружке-то рубашка шелковая,

ВТОРОМУ ДРУЖКЕ:

No 17

На коня садится, конь под ним бодрится.
По улице едет, платочкою машет,
Конь-то под ним пляшет.
По улице едет, всяк на него смотрит,
Всяк ему дивится.
К морю подъезжает, к морю колыбится.
Море колыбится, конь его напивается.
К лугам подъезжает, луга зеленеют,
Травки вырастают, цветы расцветают,
Цветы расцветают, девицы гуляют.
К дому подъезжает, маменька встречает.
Маменька встречает, со коня его ссажает, сыном
называет.
– «Сын ты мой сыночек, ясный соколочек,
Где ты, сын, гулял, где забавлялся?»
– «Маменька родима, был я на луге у девиц во круге».
– «Чем тебя поили, чем тебя кормили?»
– «Чаем напоили, мёдом угостили,
Мёдом угостили, девицей дарили».
Белый кудреватый, холост не женатый
Михаил молодец хороший Николаевич пригожий».

ПЕСНЯ ХОЛОСТОМУ:

Уж ты винная ягодка, № 18
Наливной хорош яблочек,
Удалой добрый молодец,
Александр свет Павлович.
У его же у молодца,
У него лицо белое,
Применить к снегу белому,
К снегу белому, студёному.
У него же, у молодца,
У него щёчки аленькие,

Применить к маку алому,
Не к простому, кудрявому.
У него же, у молодца,
Что походка павлиная,
А речь соловьиная.
У него же, у молодца,
Головушка учёсаная,
Русы кудри завиванные.
– «Удалой добрый молодец,
Кто тебе голову чесал?
Кто тебе кудри завивал?»
– «Чесала головушку
Да родимая маменька,
Завивала кудриночки
Мне родимая сестрица,
Что под вырезным окошечком
Золотым веретёшечком».
Завивала приговаривала:
– «Уж вы, кудри, вы кудрельцы,
Полежите малёшенько
Покуль я молодёшенька.
Когда речи разольются,
Тогда кудри разовьются
У хорошего молодца
У Александра Павловича».

ПЕСНЯ ХОЛОСТОМУ:

Как у нас было во нынешнем году
Уродился виноград во саду.
Сад со калиною, со малиною,
С чёрной ягодой смородиною.
Тут ходил гулял добрый молодец
Из удалых удаленький,

№ 19

Из хороших хорошенький,
Добрый молодец
Да Николай-то Иванович.
Доходил он до розова куста,
Срывал с розы розовый цветок.
Сам над цветком любитесь,
Красоте своей дивуется.
Экий цветочек розовый хорош!
Экий молодец холост не женат!
— «Был я в городе Казани и Москве,
Не нашёл я невесту по себе.
Да лучше в городе Перми снаряжусь,
Да во собор схожу, Богу помолюсь.
Создай Боже, создай Господи,
Мне невесту скромную,
Роду племени хорошего,
Отца матери богатого.
Что б за ней было придано хорошо,
Сундучки были кованые,
Коробеечки крашеные.
Да удалой добрый молодец,
Николай свет Иванович».
Гости дарят девушек за песни деньгами.

ПЕСНЯ-БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ДАРЫ:

– «Благодарствуй Василий молодец,
Благодарствуй Дмитриевич
На твоих на честных на дарах,
На твоей гривне золотою,
На другой позолоченою.
Золоту казну мы себе возмём,
А серебряну назад пошлём.
За то песенку споём,

№ 20

Да мы тебя взвеличам:
Да Василия молодца
Да Дмитриевича,
Со душечкой, со голубушкой,
С Анастасией душой
Да свет Тихоновной,
С сыном-то да милым-то,
С Василием молодцом
Да Васильевичем».

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ДАРЫ:

– «Благодарствуй Александр молодец,
Благодарствуй свет Павлович
На твоих на честных на дарах,
На твоих на золоченных.
Нам не знать, куда денежки девать,
Нам не знать – на прянички,
Нам не знать – на орешечки.
Ещё твой грош на конфеты гож.
Мы конфеты-то съедим,
Да тебя взвеличам,
Да Александра молодца,
Да Павловича».

БОГАТО ОТДАРИВШЕМУ ЗА ПЕСНЮ:

Что не соловей во саду принасвистывает, № 21
Это мы, красны девицы, в высоком терему,
В высоком терему, да за занавесою.
Мы не песни поём, а честь хвалу воздаём.
Величаем сударь Вас, да навеличиваем,
Да Григория молодца
Да свет Ивановича.

Со душечкой, со голубушкой,
С Ольгой душой
Да свет Ивановной,
С дочерью-то да милой-то,
С Людмилой душой
Да Григорьевной.

Дружки под такт песен пляшут.

Дружки во время песен входят в круг девушек с приговором:

– «Тонкая, белая занавесь распахнись,
Красные девушки, на все четыре стороны расступитесь.
Стоите вы на ногах, как на банных батогах.
На вас красные борочки, у вас чёрные чулочки.
В соломенных шапочках, в брезентовых башмачках.
Губки намазали, щёчки надули,
На нас, храбрых дружек, заглянули.
А мы-то догадались
Да к вам в горенку забрались».

Дружка обращается к родителям невесты:

Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас.
– «Тятенька родимый Тихон Яковлевич,
Маменька родимая Александра Ивановна!
Сколько мы у вас напили, наели, посуды приломали.
Расчёт будет такой:
С тысяцкого рубашку,
Со свахи полтину,
С дружки ни полушки,
С подружья ни гроша».

Столование завершено [39]. По окончании стола все встают, молятся, а жених с невестой, кланяясь в ноги родителям, совместно склонив головы, получают благословение венчальными иконами.

Дружка обращается к родителям невесты:

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас.
– «Тятенька родимый Тихон Яковлевич,
маменька родимая Александра Ивановна,
Благословите наших молодых:
Молодого князя Петра Ивановича
И молодую княжну Надежду Тихоновну
Ехать в чисто поле,
Широкое раздолье
Под частые звёзды,
Под луну Господню,
В церковь Божию,
Золотой венец принять,
Серебряный крест целовать».

Когда невеста выходит из дому, девушки поют:

Да вот пошла моя девья красота,
Да вот пошла благодатная
По полу-то, полу дубовому,
Что по сеничкам по решётчатым,
По оградушке по каменной.

На выезде из двора невесты дружка вопрошает:

– «Все ли в скопе, все ли в сборе?
Все ли в добром здоровьи?

Все ли по местам?
У всех ли возжи по рукам?»

Поезд отправляется в церковь К ВЕНЦУ. Невеста едет со своей свахой – крёстной позади жениха [40].

Когда молодые уезжают к венцу, в это время привозят к жениху ПРИДАНОЕ и, обязательно, постель [41]. От венца возвращаются в дом отца молодого, теперь уже не жениха, а мужа. Здесь их родители встречают хлебом-солью. Дают им обоим трижды откусить этого хлеба, благословляют привезёнными венчальными иконами. Потом, по старинному обычаю, молодую ОКРУЧИВАЛИ – заплетали распущенные волосы на две косы и надевали головной убор: шамшуру, кокошник, наколку или платок [42]. Начинается свадебный стол после венца. Вначале ПОДХОДЯТ К ВИНУ, как и в обручение, поздравляя новобрачных с ЗАКОННЫМ БРАКОМ. После вина столуют. Вечером, после столования, свахи устраивают молодым ПОДКЛЕД – постель, где-либо в клетке или в отдельной комнате. В головы ставили кадку с зерном пшеницы [43], чтоб молодые жили сыто и в довольстве. Когда молодые раздевались, молодуха должна была разуть своего мужа, снять с него сапоги. Молодой, обуваясь к венцу, клал в сапоги деньги. Молодушка, разув молодого, вытряхивала деньги и брала себе.

Свадебный пир продолжался обыкновенно три дня. Второй день празднования называли БОЛЬШОЙ СТОЛ. Приезжали родители невесты со своими родственниками. Молодые встречали родителей невесты, приветствуя земным поклоном, спрашивая их родительского благословения на супружескую жизнь. Родители благословляли и высказывали молодым пожелания. Начиналось угощение, празднование большого стола [44].

Третий день празднования называли ПИРОЖНЫЙ СТОЛ. Этот день был последним днём пира. Молодая всю родню молодого мужа одаривала подарками – ДАРАМИ, сшитыми на девишнике девушками. Дары были обыкновенно из своего вытканного холста, пестряди, холстинки (холстинка – очень тонкий, в клеточку или в полоску холст). Рубашки мужские и женские, пестренные штаны, полотенца. В последнее время дарили покупные платки. Получив дары, гости надевали подарки на себя и на лошадей в праздничной упряжи – на дугах ленты, колокольчики и бубенцы, распевая песни, катались по деревне. Многие из гостей рядились скоморохами и ходили по дворам. Вечером был последний стол. После угощения гости разъезжались по домам.

* * *

Тексты свадебных песен и друженья записаны И.П. Зелениным со слов Лидии Ефимовны и Ивана Тихоновича Зелениных.

Заключение

Своими корнями свадебный обряд уходит в глубокую древность. Обряд, постоянно видоизменяясь, формировался на протяжении столетий. Много в нём ещё от язычества. Только обряд венчания и родительское благословение иконами от христианства. В полном виде свадебный обряд просуществовал до тех пор, пока традиционный уклад народной жизни не начал необратимо разрушаться.

Никогда в истории России уклад народной жизни не подвергался такому насилию и шельмованию, какие начались в конце 1920-х – начале 1930-х годов во времена индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства. Будь эти перемены не столь насильственны, может, и сохранили бы своё место, пусть и на обочине «стального скака» истории, народные песни, свадебные причитания и погребальные плачи. Насильственной модернизации народ подвергался и раньше, но тотальный характер она приняла именно в этот период.

Справедливости ради следует признать, что изменения в традиционной народной культуре отчётливо обозначились уже во второй половине XIX века [45]. В эти годы массы крестьян переселялись в города или уходили на новые места в поисках свободных земель. Изменялась на новый лад и народная музыкальная культура. Ещё великий Ф.И. Шаляпин с горечью писал о том, что гармошка убила

настоящую русскую песню. С появлением радио, кино и клубной культпросветработы старые песни стали звучать всё реже. И пошла совсем другая «свадьба» – комсомольская.

Свадьбы по старому обряду играли редко. Обряд становился проще, короче; в нём изменялись и из него исчезали мизансцены и целые эпизоды свадебного действия. Свадебные песни быстро подзабывались. Обряд, если и соблюдался, то как бы «понарошку» [46]. Кое-где «свадьбу играли» на сценах клубов и домов культуры в виде представления сельской самодеятельности [47].

«Свадьба Среднего Прикамья вобрала в себя свадебные песни разных областей России, что подтверждают некоторые найденные тексты песен из зон предполагаемого переселения». И сам свадебный «обряд складывался на основе форм, привнесённых на данную территорию выходцами из северных, центральных уездов России, Среднего Поволжья, Верхнего Прикамья. Прослеживаются отчётливые параллели со свадебным ритуалом Нижегородской области, Поморья, Нижней Вычегды» [48].

По заключению этнографов и исследователей музыкального фольклора на территории Среднего Прикамья сложился смешанный тип свадебного обряда, вобравший в себя как северный тип свадьбы – «свадьба-похороны», содержащий значительное количество песенных причитаний, плачей, вытья, так и южный тип – «свадьба-веселье», но с преобладанием стилевых традиций Русского Севера [49].

Усть-Качкинский свадебный обряд и обрядовые свадебные песни в большей мере соответствуют северному типу свадьбы.

«Свадьба-похороны» – это условное фольклорное понятие. Северная свадебная традиция сохранила в обряде и песнях воззрения на свадьбу как на цепь испытаний, переходных состояний, преодолений и перевоплощений.

Невеста, умирая как девушка, возрождается женой-женщиной. Отсюда и свадебные прощальные причитанья, плачи, вытьё. В древней традиции засватанная невеста даже меняла свой облик и поведение, становилась как-бы «не от мира сего» – ...«недвижимое, замершее, окаменевшее лицо, движения сведены до минимума (её водят «под руки», все действия за неё выполняет сваха). Невеста не воспроизводит звуков, характерных миру живых: она не разговаривает, не поёт, не смеётся. Традиционно, единственной формой контактов для неё является плач, причет, в котором невеста отторгает себя от родительского дома, прощается с ним, умирая для данной семьи и вступая в контакт с новым для себя миром новой семьи» [50]. «Поведение невесты после просватанья было строго регламентировано. Даже во двор она отправлялась обязательно в сопровождении подружек «под большой шалью» [51]. Менялось и поведение юноши. Теперь это уже не «рубаха-парень», а жених, понимающий всю важность предстоящего события. Этому переходному состоянию соответствовал ...«образ серьезного, неразговорчивого молодого человека, очень щедрого, поскольку, чем щедрее, – тем лучше будут жить» [52].

В какой-то мере всё это присутствует и в «Усть-Качкинской свадьбе». В Усть-Качке накануне свадьбы, по завершении обряда обручения, невеста, после предписанных обрядом «вытья», «отказа от отчего стола» и «расплетения косы» ложилась спать в постель, которая была для неё постелена в «переднем углу», как для покойника.

В самом начале свадебного обряда обе его стороны, – невеста и родственники невесты с одной стороны, жених и его родственники с другой стороны, разделены и противостоят друг другу. Древний смысл обрядовых действий состоит в преодолении условных границ. На этапе сватанья для сватающих границей является матица. Матица же является границей, которую переходит невеста, покидая отчий

дом. Обыденная речь во время свадебных обрядов не приемлема и заменяется на иносказательную. Это разговоры на «границе». Два мира, два рода, два различных дома, через свадебные обряды, преодолевая отчуждение, постепенно становятся друг другу «своими». Само слово свадьба происходит от древнего индо-европейского SVAS (sva-/ svo-) – свой. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля значение слова «свадьба» выводится от слов *свадить*, *сводить*, *сватать* [53]. Таким образом, свадьба – это сведение воедино двух родов – «породнение». В ходе свадьбы и по её завершении люди, до той поры чужие, становятся «свойственниками». Муж и жена, их родители, братья, сёстры, дяди, тёти становятся «сродственниками». Родители мужа для молодой жены становятся кровными родственниками и именуются свёкром и свекровью (своя кровь). Переходы и переезды между домами невесты и жениха в ходе свадебных обрядов символически воплощают преодоление границ и происходящее сближение и объединение изначально отчуждённых родовых пространств.

Свадебный обряд это своеобразное сочетание дипломатии и торга. Стороны, соблюдая свою выгоду, стремятся «не продешевить». Отсюда деликатность выражений во время сватанья, ритуальность поведения во внутреннем пространстве дома, уподобление девушки «красному товару», а юноши «купцу», рукопожатие в знак согласия сторон на совершение «сделки» и скрепление её молитвой, вином и пиром. Свадебный обряд – игровое действо. Свадьбу «играли». В этой игре были свои роли и свои правила, был свой «сценарий» и временные рамки. Традиция предусматривала игру «всерьёз», а «карнавальность» происходящего переводила свадебное действо в иное, магическое «пространство – время». В этом пространстве на время изменяется язык и поведение участников обряда. Все они, – жених и невеста, их родители, женихова и невестина свахи, ты-

сяцкий, бояре – гости на свадьбе, девушки – подружки невесты, дружки – друзья жениха, ведут себя каждый согласно своей роли, предписанной обрядом и положением.

Во время сватанья наиболее активны свахи и, особенно, женихова сваха. По традиции ею была крёстная жениха. Но не обязательно только она [54]. С ней в сватанье принимал участие «большой сват», которым чаще всего был крёстный жениха. В день свадьбы он принимал на себя роль тысяцкого.

Тысяцкий была важная, почётная должность. «Он должен был «назубок» знать все свадебные ритуалы и уметь повести за собой всё свадебное действо, а также быть готовым к любым неожиданностям» [55].

Подружки невесты, которых в других свадебных традициях звали «швей», шившие и собиравшее приданое невесты, составляли её окружение. Они символизировали «девичество» и были грустными когда «выли» с невестой; сосредоточенно серьёзными при исполнении свадебных песен; озорными, когда во время «малых столов» пели «величальные» гостям, настойчиво требуя вознаграждения. «В некоторых традициях участие их на свадьбе было ограничено: до венца. На пиру у жениха, где и срамное можно услышать, девушки уже не участвовали» [56].

Дружка – особый персонаж свадебного обряда. Дружка, – холостой парень, друг жениха, был наиболее активной фигурой в день свадьбы. «Поведение дружки на свадьбе позволяет предположить генетическое родство этого персонажа с весёлыми людьми – скоморохами. ...дружка должен был уметь балагурить и веселить участников свадьбы, уметь импровизировать, а также иметь поэтический дар...». На пиру в некоторых свадебных традициях «...он занимал самое почётное место (сидел рядом с женихом), в свадебном поезде ехал в первой повозке, возглавляя и регулируя движение, первым заходил в дом и узнавал, готова

ли невеста выйти к жениху; «проторив дорогу», возвращался за свадебным поездом; отводил молодых спать и т. д.» [57].

В усть-качкинской свадебной традиции дружка «выкупал» места за столом в доме невесты и вел этот стол, а по завершении столования обращался к родителям невесты, чтобы они благословили жениха и невесту ехать к венцу: «...в церковь Божию, золотой венец принять, серебряный крест целовать». Дальнейшее его поведение в усть-качкинской свадебной традиции не описано, но можно предполагать, что своей «скоморошей» прыти он не снижал. У старшего дружки был помощник – второй (младший) дружка. Вообще количество дружек соответствовало количеству гостей – больше гостей, больше и дружек.

Повозничек – ещё одна фигура в традиционном свадебном обряде Среднего Прикамья. Повозничек выкупал приданое невесты и привозил его в дом жениха [58]. В описании свадебного обряда Усть-Качки повозничек не упоминается, но присутствие этого персонажа вполне вероятно. В Усть-Качкинском свадебном обряде приданое, в том числе постель, привозили в дом жениха пока шло венчание. Допустимо предположить, что это ответственное дело поручалось особому человеку, возможно одному из дружек, который и был этим «повозничком». В Куединской свадебной традиции этот свадебный персонаж звался «сундушник».

В свадебном обряде населения Среднего Прикамья присутствовали предметы и вещи, содержавшие символический смысл и имевшие магическое значение.

Курник. «На Руси курником называли каравай хлеба». Рецепты его приготовления были различны. В одних случаях это был сдобный, богато украшенный лепными из теста или искусственными цветами, ветками пирог внушительных размеров. Пирог мог быть украшен также парой голу-

бей. В вятской свадебной традиции, вошедшей в ряде мест в свадебный обряд Среднего Прикамья, курник выпекали в виде пирога с начинкой из курицы или куриных ножек [59].

Нечто вроде искусственного «букета» тоже называли курником. «Курник – это репейник наряженный. Срезают тот, где ветвей поболее, воткнут в редьку и украсят. Его сватха с собой к жениху забирает. (...) Второй вид – пенёк, с воткнутыми веточками, украшенный цветами и лентами. (...) Эти воплощения курника являются олицетворением девьей красоты» [60]. В «Куединской свадьбе» упоминается «свадебное дерево» – курник, который в день свадьбы жених с друзьями выкупали в доме невесты. «Курник – репей вырежем, ево эдак же, тоже бумагу туда, обошьём, оплетём. Конфеты там висят. Курник продавали, девки продавали, дружки покупали. Дружки ево потом с собой увозили ...» [61].

Каравай хлеба присутствовал и в усть-качкинском свадебном обряде. Караваем хлеба родители мужа встречали на пороге дома молодожёнов, приехавших после венчания. Курника же ни в виде пирога, ни в виде свадебного дерева в Усть-Качке не было.

Ленты. Алая лента в Усть-Качкинской традиции – символ «девьей красоты». Алую ленту невеста вешала на «божницу» в знак девства и непорочности. Если невеста не была девственницей, алую ленту вешать было нельзя – «будешь болеть». Алую ленту подружки вплетали в косу невесты и выплетали после обручения накануне свадьбы, когда происходил обряд «расплетения косы». Ленту с «божницы» невеста брала в церковь, где во время венчания священник вкладывал ленту в Евангелие. Синяя лента полагалась невесте-сироте. В других местах Среднего Прикамья синяя лента означала, что невеста не сохранила невинность. Кое-где ленты вывешивали на окно дома, где проходили свадьба.

Ленточками в Усть-Качке отмечали дружек в доме невесты в день свадьбы [62].

Зеркало. В Усть-Качке дружка в день свадьбы подносил невесте зеркало, на которое ставил ботинки и клал мыло, гребень и «другие головные приборы» (цветы? – О. Г.).

В некоторых местных свадебных традициях молодожёны вместе смотрелись в зеркало. Это должно было способствовать прочному союзу в браке.

В Усть-Качке о подобном действии с зеркалом не упоминается, однако оно вполне вероятно, т.к. комплекс: зеркало, ботинки, мыло, гребень, а еще кольца и «цветы на голову» – упоминается в описании свадебного обряда крестьян д. Ананичи, где молодые смотрелись в зеркало (ныне Краснокамский район Пермского края). С «закамскими» деревнями и селами у крестьян Усть-Качки были тесные связи, в том числе брачные.

Куколка. «...в ситуации сватовства она выступает как заместитель жениха, на второй день свадьбы – как имитация ребёнка: «...будто ребёнок родился у них, куклу возьмут, спеленают». [63]

В описании свадебного обряда в Усть-Качке куколки нет. Но расспросы старожилов выявили присутствие куколки, которую крепили «на передок», идущей первой повозки свадебного поезда (записано О.Г. Гайдашом в 2018 году от Валентины Павловны Зелениной, с. Усть-Качка, 1930 года рождения).

Полотенце. Скатерть. Платок. Вышитые полотенца невеста дарила новой родне, кое-где дружка был перевязан полотенцем. Белую скатерть брали в церковь и клали под ноги во время венчания. «Ту скатерть берегли, потом ею покрывали во гробе». За платок отец выводил невесту к жениху. А тот платок, в который невеста плакала, она, в день свадьбы покидая родительский двор, рвала и бросала во двор. [64]

В Усть-Качке платки и полотенца, простые и нарядные – «бранные», входили в «дары» жениху и новой родне и в состав приданого невесты. Платок дарила невеста жениху.

В местных свадебных традициях южной части Среднего Прикамья у фигурантов свадебного поезда имелись отличительные атрибуты: у тысяцкого – часы на цепочке или верёвочке, трость; у дружек – шляпы и плётки, у свахи – муфточка, у повозничка шапочка и рукавицы, у подружек – шляпки. Все эти предметы были «бутафорскими», изготовлены девушками на девишниках из подручных материалов: картона, соломы и цветных лоскутков. [65]

Также было принято украшать невесту венком из искусственных цветов. «Невеста в переднем углу сидит, в венке. Венок из крашеной стружки. (...) Щас венки низеньки такие. А то раньше венок с полметра вышины, да восковые цветки-те, да всякими красками, да навешают бусов-то всяких цветов-то, и красных, и зелёных. Дак жар горит на голове у невесты» [66].

Ничего из этого в Усть-Качке, кажется, не было, хотя венок на голове невесты, возможно, был. В описании свадебных традиций крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда (д. Ананичи) указано, что жених на базаре в числе прочего покупал «цветы на голову». Как было выше упомянуто, с деревнями «за Камой» нынешнего Краснокамского района у усть-качкинских крестьян были прочные связи, в том числе брачные.

Время в свадебном обряде имело свои особенности. Во-первых, это календарное время. Обыкновенно в Среднем Прикамье свадьбы играли на Покров и Крещение. Объяснение этому вполне рациональное: к празднику Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября) заканчивались полевые работы и до начала Филиппова поста (14 ноября) длилось «промежговенье» – «мясоед», а после Крещения начиналось «большое промежговенье», которое длились до Мас-

леницы. На столах в это время могло быть «скоромное» – мясо и другие продукты животного происхождения. На Севере Прикамья свадьбы играли в это же календарное время, только свадеб на Покров местами было значительно меньше, так как в ледостав добираться до храма на лодках было небезопасно, а санный путь к этой поре не всегда устанавливался. Поэтому больше свадеб игралось после Крещения [67].

Во-вторых, это время, необходимое для проведения всего свадебного обряда от «сватовства до отводных обрядов». Фактическое время проведения свадебного ритуала достигало в среднем полутора месяцев. В это время происходили обрядовые действия и практическая подготовка к свадьбе: шитьё и сбор приданого в доме невесты и приготовление угощений в обоих домах. Это время также имело особый магический и сакральный (священный) смысл.

И в-третьих, это собственно свадебное время – время, на которое приходятся центральные события обряда. На территории Среднего Прикамья зафиксированы два по продолжительности варианта. Это «свадьба в три дня» и «свадьба в два дня». «Разница между двумя её вариантами заключается в постепенном выключении из хода свадьбы обручения – обряда, проводившегося в день перед увозом невесты к жениху» [68]. В описании усть-качкинского свадебного обряда обручению уделено большое внимание. В обручение, накануне свадебного дня невесте в отчем доме «отказывали от стола» и «расплетали косу». Следовательно, в Усть-Качке свадьба проходила «в три дня».

«Интересный аспект проведения свадебного обряда открывается при анализе суточного времени проведения обрядов свадебного действия. В целом ряде традиций указывается на вечернее и даже ночное их проведение. (...) Суточные границы стираются, погружая всех участников в особое, обрядовое время» [69]. В народных мифологических

воззрениях вечер и ночь это особое, таинственное время. Проведение свадебных обрядов в это время суток указывает и подчёркивает их переходный смысл.

Послесловие

Когда-то наши бабушки и дедушки были молоды. Тогда они ещё не знали, что будут бабушками и дедушками. Они были невестами и женихами.

Мало кто из нас расспросил их о том, как их сватали, и сватались ли они. Как оно всё было?

Наши бабушки и дедушки в то время были очень молоды. Они венчались и обменивались кольцами в храме. А наши родители уже просто «расписывались» в ЗАГСе. Мы тоже обменивались кольцами и расписывались в какой-то книге в ЗАГСе или во «Дворце бракосочетаний». В этой же книге расписывались и наши «свидетели». Их уже не называли «дружка» и «подружка». «Свах» не было вовсе. Не было «тысяцкого» и гостей не именовали «княжи и бояра». Всё больше было тех, кого раньше называли «пучеглазики» и «смотряки». Вместо величальных песен играли «Мендельсона». Накануне свадьбы не было «обручения» и подружкам невесты в голову не приходило «выть». Косу невесте не расплетали, потому что у той была стрижка. И «поезда» со звоном колокольников тоже не было. Были «Волги» с «обручальными кольцами» на крыше и куклой на капоте головной машины. Свадьбы «играли» круглый год, в основном по пятницам. «Официальная тётя» с лентой «проникновенным» голосом произносила заученный текст и объявляла молодых мужем и женой. После этого выпива-

лось шампанское, и все фотографировались. Затем свадебный «кортеж» направлялся возлагать цветы к памятникам. На моей памяти особенно популярным был памятник труженикам тыла на эспланаде. Впрочем, цветы доставались и другим памятникам и обелискам.

Так как в городе в основном были памятники борцам революции и героям минувшей войны, то возложение цветов символически делало участников бракосочетания причастными судьбе этих борцов и героев. Не думаю, однако, чтобы участники свадьбы в тот момент хоть как-то об этом задумывались. Откуда и когда появилась эта манера, сказать затруднительно. Думаю, что в 1970-е. Как все ритуалы поздней советской эпохи церемония была надуманна и привычно фальшива. Говорят, объезд памятников в день свадьбы продолжается до сих пор. Это совпадает с наблюдениями этнографов и культурологов, что ритуал надолго переживает его первоначальное значение и смысл.

Не помню, чтобы цветы возлагали к памятнику Пушкину на Сибирской (тогда – улица Карла Маркса). Это было бы хоть как-то понятно. Впрочем, может и возлагали.

Позже появилась заёмная манера в знак прочности уз брака застёгивать на мостах навесные замки, а ключи бросать в воду. Мост, вероятно, символизировал соединение двух противоположных сторон.

После объезда памятников торжества продолжались в ресторанах и кафе, где были накрыты столы и приглашённые свадебные «тамада» произносили дежурные «речёвки», тосты и «здравницы». Гремела музыка. Гости беспрерывно кричали «горько» и вслух считали: «Раз, два, три ...». Потом были танцы. Потом где как.

До сих пор мало что изменилось. Такова нынешняя «комедия брака».

Словом, ничего из того, что хоть как-то напоминало бы «тот» свадебный обряд уже не было. Правда у нас в Усть-

Качке ещё в 1980-е годы тещу возили в корыте, зацепив за машину, а на второй день в доме мусорили и разбрасывали мелочь, и молодые руками «мели» пол. Вот и всё.

Мы живём в реальном мире. Благодаря Интернету мы живём сразу «везде». Новости глобального мира и курсы валют нас зачастую волнуют больше, чем события местной жизни. Мы одинаково одеваемся, мало читаем, много времени проводим в «сетях». Наша речь не всегда понятна нашим родителям. Местоположение называется «локацией», деньги – это «кэш», нелепые и лукавые известия – «фейк». Нас «троллят» и над нами «стебаются». «Лайки», «дизлайки», «флэшмобы», «квесты» и так далее. Мы не знаем и не поём народные песни. Наши бабушки и дедушки приняли бы нас за иностранцев. Может, мы и впрямь иностранцы? Мы цивилизованы более, чем культурны. Или это такая культура? Как разобраться в этой круговерти? «Мы живем, под собою не чуя страны...». Может это о нас?

Невольно оборачиваемся в прошлое. В том прошлом реки и воздух были чище, родители молоды, а у нас всё ещё было впереди. «Было впереди» – это что-то вроде «Future in the Past» – «будущее в прошедшем».

В далёком уже прошлом жили наши бабушки и дедушки, которые ведь тоже были когда-то молодыми. Они любили, выходили замуж (бабушки), и женились (дедушки). Правда, тогда они ещё не думали, что когда-нибудь станут бабушками и дедушками. Жизнь текла. Появились на свет наши родители, а потом и мы. И наша жизнь неостановимо течёт. Так течёт лесная речка, журчит ручеёк, звенит ключ...

«Усть-Качкинская свадьба» позволяет заглянуть в те дни, когда наши бабушки и дедушки были ещё очень-очень молоды. И у них ещё всё было впереди ...

Ну вот, кажется, и всё. Нет, ещё не всё. Чтобы до конца использовать материал, накопившийся при работе над

«Усть-Качкинской свадьбой», я хочу предложить выдержки из «Словаря живого великорусского словаря» Владимира Ивановича Даля. Полагаю, что тому, кто внимательно прочёл «Усть-Качкинскую свадьбу» ничего пояснять и комментировать не надо.

Сватать девку, невесту, улаживать свадьбу, предлагать жениха, просить кому в жёны; или просить себе в жёны, ...

Богатую сватают (долго ухаживая), а бедную и так отдают.

Много сватается, да одному достанется.

Сватать, так хвастать.

Сватать – хлопотать, улаживать для кого сделку, покупку.

Сватать (стар.) – сговариваться, условиться.

Сватовство, сватанье, предложение девице, а более родителям её, отдать её замуж за такого-то // Свойство, родство по жене, по мужу, через брак. Сватанье или сватовство начинается негласным семейным советом, затем бывает засылка, засыл пustosватов, для проводки, там смотрины, глядины, там посылка свах или сватов; там сватовство и рукобитье, первый пропой; там похмелки и невестки, затем сговор, зарученье и запои или большой пропой (протитая невеста), там плач и коровай, девичник, венчанье, отводы и три княжих стола. На севере, после сватовства и слова, бывает четыре вечера: просватанье, посиденок, обручение и девичник; после свадьбы, у молодых, три вечера (княжеский стол): свадебный стол, более для родных молодого; большой стол, для родных и близких невесты; пирожный стол, молодая сама стряпает и угощает; затем идут столы у тестя, свёкра и пр.

Свашенька, свашенька, высватай мне Сашеньку.

Сваха чужу сторону нахваливает, а сама в неё ни по-ногу.

На хорошей свадьбе, для обряда три свахи: женихова (сватавшая), невестина (расчеши-косу, погуби-красу, или подвенечная), и постельная (или пуховая).

Не выбирай невесты, выбери сваху.

Подруги косу плетут на часок, а свахи на век.

На свашенькиных речах – хоть садись да катись (хоть вытись).

Свадьба уходом, краденая, без согласия родителей невесты.

Добрая свадьба неделю (празднуется попойкою).

После свадьбы всякий тысяцкий.

Свадебный поезд.

Свадебные песни, на девичнике, это плачи, по невесте; после венца величание молодых и родителей их, пожелания и предреченья счастья, богатства и пр.

Свадебный поезд выезжает нечетом.

Свадебицк, -щица (сиб.) и свадебник, -ница (сев.) – один, одна из гостей свадебных, из поезжан.

Свадебничать, тировать на свадьбе.

Вот теперь – всё.

О.Г. Гайдаш

Примечания и комментарии

1. Оханью или оханом называют в одних случаях ставную сеть с крупной ячейей, в других – траловую снасть с кошелём, которую протаскивают по дну.

2. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804. Ч. 1 – С. 271. (Цитировано по книге: Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск – Пермь, 2007 – С. 344).

3. Переписная книга 1744 года декабря 9 дня Казанской губернии Пермской провинции уезда Соликамского вотчин господ баронов Александра Григорьевича с братьями Строгановыми // РГАДА (Российский Государственный Архив Древних Актов). Ф. 905, Оп. 1, д. 816.

4. Острожская волость: статистико-экономическое описание волости Оханского уезда Пермской губернии. – Сарапул, 1889. – С. 18. (Цит. по: Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск – Пермь, 2007 – С. 344).

5. Зеленин И.П. История села Усть-Качки. (Рукописи 1951 г.) / Авт. сост. О.Г. Гайдаш – Пермь, 2018. – С. 10, 26.

6. В буквах греческого слова «рыба» – ΙΧΘΙΣ (ΙΧΤΙΣ) содержится акроним – монограмма: «Иисус Христос Божий Сын Спаситель».

7. «В неделю после Троицы бывает заговенье на «Петров пост». По местному его называли ЧЕШОКОВО

ЗАГОВЕНЬЕ. В Камские луга приходила молодёжь из Усть-Качки и соседних деревень: Качки, Хмелёвки, Луговой. Приезжали также из-за Камы и НА ПЕРЕВОЗЕ, так называлось место на этом берегу против реки Сюзьвы, водили хороводы. Сбор народу в лугах был большой. Одевались в лучшие наряды. Здесь присматривались и женихи, и невесты. (...) Чесноковым заговеньем этот день назывался потому, что в этот день заговлялись на Петров пост. Посты наши деды соблюдали строго. К этому времени старых овощей уже не было, а свежие ещё не поспевали. Жители старались на этот пост запастись чесноком, который обильно рос в Камских лугах в диком состоянии. Ходили в луга его рвать. Принесут домой, нарежут мелко, истолкут, разведут квасом и едят» (Зеленин И.П. Указ. соч. С. 47–48).

8. Болдырева В.Г. Русская свадьба Среднего Прикамья: локальные традиции, коды обряда, межэтнические связи. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. – Ижевск, 2018. – С. 158.

9. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века. – Пермь, 1995. – С. 237.

10. Матица – конструктивный элемент сруба, издревле имевший особое сакральное (священное) значение.

«Матица, матица – балка, брус поперёк избы, на котором настлан накат, потолок. Подымать и обсевать *матку*: когда черепной (последний) венец положен и матица поднята, хозяин варит кашу, кутает горшок в полушубок и подвешивает к матице; *севец* обходит черепной венец, рассевая с пожеланиями хлеб и хмель; проходя затем по матке, он рубит верёвку, а плотники садятся за кашу и пьют за здоровье хозяина **матичное**: угощение сверх ряды (оговоренной суммы – О. Г.) за сруб избы.

Сидеть под *матицею* – быть свахой, сватать в доме невесту.

Подержаться за *матцу* для счастья, уходя из дому». (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. С.-Петербург, Москва 1881. – Репринтное изд. – Москва, 1979. – С. 307–308).

11. «По представлениям крестьян, брак расценивался как залог благополучной жизни, самостоятельности личности. В браке видели повышение социального статуса холостых парней и незамужних женщин. Помимо продолжения рода, брак гарантировал положительное решение хозяйственных вопросов. Глава семьи наделялся землёй и вёл своё личное хозяйство, был ответственен за всех членов семьи. Очень ценились в нём такие качества, как трудолюбие, трезвость, отзывчивость, честность.

В д. Петрецово на р. Колве рассказывали, что человек умирал спокойно тогда, когда «производил подобного себе в законном браке». На неженатого человека смотрели с сожалением и даже с презрением» (Чагин Г.Н. Колва. Чусовское. Печора. От древности до 1917 года. – Пермь, 2017. – С. 531).

12. Здесь вспоминается рассказ одной из нынешних Зелениных. Бабка жениха на свадьбе ходит по избе и ворчит: «Больно тонки ноги-те у девки, не спроворит по хозяйству. Вот соседи девку взяли – ножишши, что столбы!»

13. Большое промежговенье – период времени между Рождественским и Великим постом.

14. Полатами назывался дощаной настил, который устанавливали в заднем (дверном, подпалатном) углу избы между печью и стеной. На полатах отдыхали, хранили и сушили вещи.

15. Русская глинобитная («битая», «хрящевая»), позже кирпичная, печь ставилась слева или справа от входной двери. «Устьем» («шестком») печь была обращена к противоположной от входа стене. Печь занимала до четверти

внутреннего пространства избы. На «лежанке» («перекрыше») печи могло разместиться несколько человек.

16. Здесь «корзинкой» названы сани с плетёным верхом. Кошевой, кошёвкой называлась повозка с плетёным кузовом.

Кош (южн.) – плетёный шалаш; кошница (сибирск.) – корзина (Даль В.И. Указ. соч. С. 183).

17. Речь, вероятно, идёт о деревне Загора, некогда существовавшей в окрестностях Усть-Качки.

18. Деревня Хухрята находится в двух километрах от села Мысы в Краснокамском районе Пермского края.

19. Символическое значение «взять шапку» или как здесь «шапку в охапку»: «В некоторых случаях сватовщики выходили в сени, чтобы обсудить, согласны ли они брать невесту, при этом, если жених оставлял шапку в доме, это означало, что невеста ему понравилась». (Черных А.В. Куединская свадьба. Свадебные обряды русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. Сборник фольклорно-этнографических материалов. – Пермь, 2001. – С. 14).

«Если невеста не понравилась, то он (жених – О. Г.) берёт шапку свою в руки и этим показывает, что окончательно решать дело (сватовства – О. Г.) не надо». (Иванов И.В. Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии. Публикация Г.Н. Мехнецовой // Из истории русской фольклористики. Выпуск 11. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 279).

20. «Этот ритуал обязательно проходил под матицей: «Ну, они все, как сговорились, встали под матицу, и жених и невеста руки друг другу дают...» (Черных А.В. Указ. соч. С. 14). Под матицу садились сваха со сватом, когда приходили в дом родителей девушки. «Если гости сели под матицу, родители невесты догадывались – пришли сватать» (Черных А.В. Указ. соч. С. 61).

В Усть-Качкинской свадебной традиции сватающие под матицу сразу не подходили. Матица представляла собой границу, которую без приглашения пересекать было нельзя (записано в 2018 г. О.Г. Гайдашом со слов Валентины Павловны Зелениной, с. Усть-Качка, 1930 г. р.).

21. Угощение вином со стороны жениха в *просватанье* очень напоминает то, что в других свадебных традициях называлось «пропой», «пропивки», «пропивыши», «пропивали невесту». «Иногда этот период свадебного обряда совпадал с обручением» (Черных А.В. Указ. соч. С. 114).

В Усть-Качке подобных наименований не зафиксировано. Свадебная песня, где есть слова: «Тятенька пейте, маменька пейте, вы меня не пропейте», пелась в *обручение*, следовательно то, что в других традициях называлось «пропивать невесту», в Усть-Качке совпадало с этим периодом свадебного обряда.

22. Великий, (церковн.) велій – превышающий обычную меру.

Величать – возносить, превозносить, восхвалять, славить, прославлять, чествовать; величать песнями; воспевать кого (-либо) (Даль В.И. Указ. соч. С. 175–176).

Величальная песня – песня восхваляющая в особых выражениях того, кому она поётся.

23. В тексты свадебных песен и друженья нами введены настоящие имена жителей и семейных пар, некогда проживавших в Усть-Качке. Многие из них были активными членами драмкружка сельской молодёжи и участниками постановок «Усть-Качкинской свадьбы». Подбор имён стал возможен благодаря проводившимся Валентиной Васильевной Гурковой (Зелениной) исследованиям родословных старожилов Усть-Качки.

24. Причалина, причелина – доска, защищавшая от влаги торцы бревенчатых слег самцовой кровли избы; доска на фасаде или фронтоне избы для защиты от влаги торцов

брёвен повала; иногда причалиной называли подоконник, а также резные подзоры – декорированные резьбой доски, окаймляющие свис кровли дома.

25. Суперики – перстеньки, колечки.

Супир (иносказательное) – тоненький перстенок, который носят на память на мизинце (намек на *soupir* – вздох) (Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб., тип. Ак. наук. М.И. Михельсон. 1896–1912).

26. Выть – плакать голосом, рыдая заунывно, протяжно; (костромск.) причитать и плакать по покойнику, или как плачет невеста на девичнике и как её оплакивают подруги.

Вытнянка (костромск.) – девка мастерица выть, плакать по невесте, что длится ежедневно, от сговора до свадьбы (Даль В.И. Указ. соч. С. 322).

Вой, вытьё, привойка, плач – особым образом интонированное пение.

«...вой или вытьё – до некоторой степени интонационно опосредованный, «озвученный» плач». (Щупак Г.Н. Замечания о напевах свадебных групповых причитаний Прикамья // Рябининские чтения – 2011. – Карельский научный центр РАН. Петрозаводск. 2011. – С. 565).

«...«привойки» поются «извилисто-жалобным» напевом, и свойственные им остановки среди слов (ма-тушка, подыну-тися) производят такое впечатление, будто рыдание перехватывает голос «писельниц». (Серебренников В.Н. Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии (со вступ. статьёй А.Д. Городцова) // Материалы по изучению

Пермского края. Пермь. 1911. Вып. 4 – С. 55. – Цит. по: Щупак Г.Н. Указ. соч.).

27. «Тут лежал был горюч камешок» – так в машинописном тексте. Так как черновых записей, сделанных рукой И.П. Зеленина не сохранилось, трудно судить, где и когда вкралась ошибка, очевидно должно быть – «бел-горюч камешок».

Бел-горюч камень, Алатырь (Алабор, Алабырь, Лабырь), Синий камень. В русских средневековых легендах и фольклоре это священный камень, «всем камням мати», «всем камням отец». Латырь (латышский камень), он же Янтарь. Балтийское море, на берегах которого находили и добывали янтарь, славяне называли Алатырским морем.

В стихе Голубиной книги Алатырь ассоциируется с алтарём, расположенном в центре мира, посреди моря-океана, на острове Буяне. На нём стоит Мировое древо или трон мирового царствования. Камень этот наделён волшебными свойствами, из-под него по всему миру растекаются волшебные целебные реки. Алатырь в славянской мифологии это Центр Вселенной. В языческие времена на нём восседал в зимнее время Бог молний – Перун, в христианские времена его место заняли Святые угодники, Приснодева и сам Иисус Христос. Алатырь – центр Универсума, связующий живых и мёртвых, Явь и Навь.

Огромные окатанные ледником валуны, «бараньи лбы», лежавшие посреди поля, казались упавшими с неба, с «горнего мира». В древности люди наделяли их священными свойствами.

«Гром-камень» послужил пьедесталом «Медному всаднику» – памятнику Петру I в Санкт-Петербурге работы Э.-М. Фальконе.

Вот какой, поистине вселенского масштаба, образ содержится в этой свадебной песне!

«Проведённый анализ символики поэтических текстов свадебных песен Среднего Прикамья показал, что в них сохранились глубинные представления о свадебном обряде, о его функциях, восходящих ко времени мифологических представлений и верований» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 86).

28. «Девешник был столько недель, сколько работы. Там ведь шили всяко место, всем подарки шили; кому рубашку, кому чево, кому платье дарили. Рубашки шили большинство. Потом это в приданое давали. Сидели девки, песни пели свадебные. Запоют – так пели, что заплачешь. Щас послушал бы, поплакал ...» (Черных А.В. Указ. соч. С. 113–114).

29. Куть, середа – один из четырёх секторов (углов), на которые делилось внутреннее пространство избы: 1. Передний (красный, чистый, святой) угол. 2. Задний (дверной, подпорожье, подпалатный) угол. 3. Кутный (куть, середа) угол и 4. Печной угол (Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века. – Пермь, 1995. – С. 227).

30. Крёстна, крёстная – крёстная мать; кум, кума – восприемники от купели во время обряда крещения (Даль В.И. Указ. соч. С. 191).

31. Подходить к вину – ритуал, в котором вино изначально имело сакральное (священное) значение. Вино – это «Христова кровь».

Символика винограда отражает радость и красоту сотворения семьи. Сад-виноград – это жизненная нива, на которой муж – сеятель, а жена обязана растить и ухаживать за родословным древом (Электр. ресурс. Режим доступа: <http://feja-nitok.ru/interest/171-administrator.html>).

32. Вероятно, так обозначались горячие блюда, холодец (студень) и разные пироги и пирожки.

33. Лука – Святой апостол и евангелист, почитаемый как автор одного из четырёх Евангелий (Евангелие от Луки) и Деяний апостолов. Был врачом. Апостол Лука не входил в число двенадцати апостолов самого ближнего круга Христа, а принадлежал к «семидесяти» – следующей группе учеников.

Святому Луке молились об исцелении от болезней, о зачатии, благополучном течении и разрешении беременности, о благополучии в доме. Присутствие его имени в тексте усть-качkinsкой свадебной песни уникально. Ни в одной свадебной традиции Среднего Прикамья образ Святого Луки нам не встретился. Можно предполагать об особом почитании Святого Луки в Усть-Качке как покровителя брака и семейного очага.

34. Расстиланье соломы на полу – пожелание благополучия, богатства. Солома и зёрна злаковых культур – древние символы плодородия и достатка.

«Солому стлали-то на пол, чтобы богато жили» (Черных А.В. Указ. соч. С. 57).

35. Постель, приготовленная в переднем углу (как для покойника), вытьё (как по покойнику) – всё это символы и ритуалы перехода в иной, «бабий» мир, как бы через «смерть девичества». В свадебном обряде вообще многое от древних представлений о переходных состояниях в жизни человека, в которых умирание и возрождение воплощены в обрядах и являются их содержанием. Отсюда и театральность всего свадебного действия, противостоящая обыденному, здешнему; отсюда и нездешние образы – «тысяцкий», «бояра», «дружки».

36. Расплетение косы символизировало и воплощало переход девушки-невесты в особое промежуточное, пороговое, состояние, которое называют «лиминальным» (от латинского *limen* – порог), когда прежняя, девичья, социальная роль уже утрачена, а новая, женская, ещё не наступила.

пила. Расплетение косы, таким образом, выступало условием предстоящего перехода девушки в более высокий, «женский» статус. «Простоволосая невесть кто» – высшая точка перехода просватанной девушки.

«Это время, когда невеста, отторгаясь от привычного ей мира в доме родителей находится в лиминальном состоянии «ни здесь, ни там, ни то, ни сё, в промежутке между» [А. ван Геннеп. Обряды перехода. – Москва, 1999], и чем глубже произойдёт погружение в «ничто», тем благополучнее осуществится переход в иной мир, в иные условия, роли, функции и т. д.» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 45).

«Девки, кто к невесте припадут, приклонятся, ревут, все косу расплетут. Невеста вся зарёванная» (Черных А.В. Указ. соч. С. 30).

«На середе, значит, кухня, поют – косу расплетают. Отец, он не суётся к нам, отец ревёт по дочери. Ревут, ревут родные. (...) Дуры ревут. Эта песня – ревут её. Это как покойника провожают...» (Черных А.В. Указ. соч. С. 118).

37. Упряжь лошадей и повозки свадебного поезда, а чаще всего это были сани, были богато, празднично украшены. Праздничные расписные или резные дуги с поддужными колокольцами были перевиты лентами и украшены искусственными цветами. Изнутри сани выстлали ковриками и цветными половиками.

«А лошади с колокольцами, наряженные: шлея, сбруя ременная с платочками, ленточками, скобочками на сбруях. Дугу лентами украшали, венок на лошадях был с цветами ...» (Черных А.В. Указ. соч. С. 86).

Количество участников свадебного поезда имело особое значение. Судя по описанию, в Усть-Качке их было 8 или 10, с женихом 9 или 11, то есть количество «поезжан» было нечётным. В дом после венчания, с «молодой» и «молодым», возвращалось чётное количество.

«В количественном отношении более архаичное количество участников – нечет, чтобы вернуться чётно: должно быть нечётное количество человек. Всего ехало 11 человек» (д. Колногорово Вавожского р-на). (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 51).

38. Зеркало, вероятно, имело особый магический смысл. В некоторых свадебных традициях молодожёны вместе смотрелись в зеркало, это должно было способствовать прочному союзу в браке. «Принесённое зеркало ставили на стол и спрашивали невесту: «Кого видишь?» Она должна была назвать имя жениха: «Александра Ивановича!» Все кричали: «Нет, не слышали!» И так повторяли до трёх раз. Потом начинали спрашивать жениха: «Кого видишь?» «Наталью Михайловну!» Все: «Нет, не она. У нас такой невесты нет». И так до трёх раз. А на третий раз говорят: «Слышали. Слышали!» (Черных А.В. Указ. соч. С. 107).

«Кроме того обряженная «молодушка» со своим супругом смотрятся в зеркало оба вместе. Присутствующие спрашивают, кого там видят; они по очереди отвечают, называя и величая один другого ...» (Иванов И.В. Указ. соч. С. 314).

В Усть-Качке такой обряд не описан, но вполне вероятно мог быть, так как своеобразные дары невесте: зеркало, ботинки, гребень и мыло точно такие же, какие описаны И.В. Ивановым в свадебном обряде д. Ананичи Стряпунинской волости. Сама деревня Ананичи находится от Усть-Качки «за Камой» на расстоянии дневного конного пути. Усть-Качкинцы были связаны с жителями «закамских» деревень в том числе и брачными связями.

А ещё можно предположить, что зеркало заменило собой сосуд с водой (корчагу, лохань, колодец и т. п.), куда смотрелись молодые. Вода играла магическую роль во мно-

гих древних обрядах, не только свадебных. Вспомним выражение: «Как в воду глядел».

39. Можно предполагать, что если в начале столования *стол был открыт*, то в завершение он должен быть *закрыт*, но об этом в описании свадебного обряда в Усть-Качке ничего не сказано. А вот как это происходило в Куединской свадебной традиции: «После того, как были исполнены все величальные песни, дружки «закрывали стол»: «Немножко посидят. Дружки берут скатерть на столе, закрывают стол. Дружки берут четыре угла. Дружка, полдружье, берут, закрывают» (Черных А.В. Указ. соч. С. 104).

В свадебном обряде всё было исполнено особого магического смысла. Вот что ещё было принято в Куединской свадебной традиции по окончании столования перед тем как ехать к венцу: «Когда невеста выходила из-за стола, она тянула за собой скатерть, чтобы остальные девки вслед за ней вскоре вышли замуж: «А потом, когда уж под венец из-за стола пойдёт, за собой скатерть или клеёнку тянет. Хоть там падай или не падай. Чтоб все девки замуж вышли, не остались» (Черных А.В. Указ. соч. С. 54).

40. Отъезд к венцу описан И.П. Зелениным скупо. На самом деле отъезд должен был происходить как-то торжественно. Скажем так, как это описано в «Куединской свадьбе»: «Выходят, на дворе поезд стоит, лошади так и пляшут. Подсвашник свах ведёт, невесту. Невесту ведут и кричат: «Ту ли ведём, поди подменили!». Жених подойдёт, поцелует. Тысяцкой в середине держит невесту за платочек. Тысяцкой с дружкой идёт вокруг поезда с мужской иконой, завязана икона в подшалке. Три раза обойдут поезд, сбрую потрясут. Поехали. Поют дорогой. Гармонь тут. Под венец едут ...» (Черных А.В. Указ. соч. С. 105).

41. Здесь постель – символ покорности жены мужу и предстоящего соединения мужа и жены в браке. В браке

юноша-жених становится мужчиной-мужем, а девушка-невеста становится женщиной-женой.

42. В Куединской свадебной традиции невесту «бабили», заплетая волосы в две косы и укладывая вокруг головы, надевая косынку и платок (Черных А.В. Указ. соч. С. 133).

43. Кадка с пшеницей, осыпание новобрачных пшеницей и им подобные ритуалы восходят к древней аграрной магии и являются символами плодородия.

«Укладывание спать молодых также обставлялось всевозможными шутками и забавами. Постель молодым, как правило, стелили в клетки. Под подушку или перину подкладывали куклу, а в клетки специально весили зыбку. «Когда молодых ночевать ведут, да ещё зыбку навесят». (Черных А.В. Указ. соч. С. 133–134).

В Усть-Качкинской свадебной традиции куклу крепили на передке головных саней свадебного поезда (записано в 2018 г. О.Г. Гайдашом от Валентины Павловны Зелениной, с. Усть-Качка, 1930 г. р.). Подкладывание куклы в постель молодым не зафиксировано.

44. В свадебных традициях Среднего Прикамья свадебные столования (застолья) принято подразделять на *Малые столы* и *Большие столы*. Столования в доме родителей невесты в *просватанье*, *обручение* и *стол* перед поездкой к венцу назывались *Малые столы*. *Большие столы* проходили в доме родителей молодого мужа. В день свадьбы после венчания был *Свадебный стол (тир)*, столование на второй день так и называли – *Большие столы*. На третий день столование называлось *Пирожный стол*. Наименования застолий в местных свадебных традициях могли несколько отличаться.

Во второй день свадьбы дружки, свахи и гости «чудили». Молодую заставляли мести пол, а веник прятали. На пол бросали солому и деньги. Говорят: «Мети ухватом».

Молодой веник выкупал за вино. «Наташат соломы, веток разных, мусора. Невеста начинает мести, а ей деньги бросают, мелочь. Помогает ей жених. А они опять всё разорят!..» (Черных А.В. Указ. соч. С. 108).

Или заткнут трубу, в избе дымно. Опять вином откупались.

Свахи чуть свет в «подклет» к молодым смотреть постель: «Какова невеста? Честная ли?». «Молодому в начале столования подносили рюмку вина. Тот вино выпивал и хлоп рюмку об пол, мол, «дело сделано!» Вслед за ним начинали бить посуду и гости. На этот случай хозяева запасали старую щербатую посуду – «не так жалко» (записано в 2018 г. О.Г. Гайдашом от Валентины Павловны Зелениной, с. Усть-Качка, 1930 г. р.). Битьё посуды отмечено и в других свадебных традициях. «...Корчагу принесут – хлоп, осередь пола разобьют: «Хлопнула девушка!», пляшут тут» (Черных А.В. Указ. соч. С. 108). «Если невеста пробованная – на второй день на блинах делали дырки, если девственная – били горшки (с. Бемыж Кизнерского р-на) (Болдырева В.Г. Указ соч. С. 30).

Принято было ходить по деревне ряжеными. «Наряжённые ходили. На второй день это. Все молодые девки и парни надевали всё из невестиного сундука с приданым, сажей вымажутся и бегают везде. (...) ...одна девка раз упадёт, кричит: «Ох, умираю!». Так жених должен к ней подойти, поднять, поцеловать (все же пьяные были). И она оживала» (Черных А.В. Указ. соч. С. 109). В Усть-Качке тоже ходили ряженные.

Сваху возили на перевёрнутой лавке, а тестя с тёщей в корыте. Молодых водили в холодную дымную баню и запирали там. И тоже требовалось откупаться вином и т. д. «Теперь молодых надо в баню – грязные стали (тоже издеваются над ними), тут могли дверь с петель снять, могли дыму напустить и ещё что-нибудь сделать. Жених и невеста

та берут с собой в баню вина пол-литра и веник. Веник надо намочить и извлекать в сажу, чтобы, если дружки в дым потащат, невеста этим веником их исхлестала. Или выкуп невеста отдаёт, чтобы дыму не было. А везут молодых в баню в корыте поганом или на санях – хоть зимой, хоть летом (для смеху). Теперь невеста полы метёт. Только всё сделает – опять всего накидают. Деньги кидали тоже» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 211).

Карнавальная стихия царила в этот день. Позволялось то, что в обычный день было бы под запретом и осуждалось. А тут – **свадьба!** Во время *больших столов* уже «пели какие угодно песни» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 111). «К этому периоду свадьбы также было приурочено исполнение песен «с картинками». «Бабки «чудилки» знают, поют они скверные. Девочек там нет» (Черных А.В. Указ. соч. С. 108). Очевидно до поры девушек, будущих невест, старались беречь от непристойностей, которые были обычны и допускались на свадебном пиру. «В некоторых традициях участие их на свадьбе было ограничено: до венца. На пиру у жениха, где и срамное можно услышать, девушки уже не участвовали» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 50). «Если с жениховой стороны сестры незамужние, значит, их на свадьбу не брали – не положено» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 208). Вообще непристойности в этот период свадебного обряда могут быть объяснены ритуальным преодолением некоего порога. «Бесстыдность» как бы помогала молодым преодолеть «стыдное» и публично констатировала это преодоление.

45. «В заключение придётся сказать, что эта «комедия брака» начинает вырождаться. Из только что сказанного мной по истечении 9–10 лет, в настоящее время (автор имеет в виду 1900-е годы – О. Г.) очень и очень многое изменилось. ...молодёжь под влиянием «новой школы жизни», хотя и исполняет эти обряды, но не с тою верою, как это

исполняется старыми пожившими людьми». (Иванов И.В. Указ. соч. С. 317).

46. «В целом, в свадебном обряде произошло разрастание стихии игры и нивелирование его ритуальных норм. Кроме того, уже в современной культуре произошла трансформация сакральной стихии, присущей игре, в развлечение. Это закономерный процесс, поскольку сдерживающие игру ритуальные константы постепенно оказываются утраченными» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 57).

47. «Усть-Качкинскую свадьбу» с 1940-х по 1970-е годы неоднократно представляли на сцене сельского клуба и в клубе «Медик» курорта Усть-Качка.

В разные годы в постановке участвовали:

1. Зеленина Лидия Ефимовна (сваха)
2. Зеленина Мария Ефимовна
3. Губина Клавдия Семёновна
4. Зеленина Валентина Павловна
5. Зеленин Михаил Алексеевич (друга)
6. Зеленин Михаил Тихонович (тысяцкий)
7. Зеленина (в замужестве Губина) Лидия Ивановна
8. Горбунова Валентина Ивановна
9. Губина Антонида Николаевна
10. Зеленина Надежда Тихоновна (невеста)
11. Зеленин Пётр Иванович (жених)
12. Зеленин Григорий Иванович (отец невесты)
13. Зеленин Василий Ефимович
14. Зеленина Мария Андреевна
15. Шардакова Клавдия Андреевна
16. Зеленина Августа Павловна
17. Зеленина Валентина Фёдоровна
18. Зеленин Михаил Николаевич (второй друга, подружье)
19. Зеленина Вера Васильевна

20. Зеленина Ольга Яковлевна (завуч школы, руководитель постановки?)

21. Кротова Вера Ивановна

22. Зеленина Ираида Ивановна (могла участвовать)

(Записано О.Г. Гайдашом в 2019 году от Валентины Павловны Зелениной, с. Усть-Качка, 1930 г. р.).

48. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 89, 161.

49. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 13, 31.

50. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 48.

51. Черных А.В. Указ. соч. С. 15.

52. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 48.

53. Даль В.И. Указ. соч. С. 145.

54. «Свахой могла быть женщина, пользующаяся в обществе хорошей репутацией, а также быть родственницей или соседкой жениха. (...) Главным (...) было наличие основного качества (...) – за словом в карман не лезет» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 49). «Сваха» – это такой тип, который может «купить и продать», и за «Каму» перевезти, не «утопить», и денег не взять. (...) Кроме всех достоинств выше перечисленных, сваха должна уметь ещё и «присусивать», т. е. «колдовать»; а для этого сваха отыскивает давно испечённый хлеб и кладёт его за пазуху с собой, а также проделывает буквально следующее: от печи берёт железную заслонку и обводит ею три раза вокруг чела печи со словами «как заслонка от печи не отходит, так и (имя) от нас не отходил». (Иванов И.В. Указ. соч. С. 278).

55. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 50.

56. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 50.

57. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 48–49.

58. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 50.

59. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 52–53.

60. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 52–53.

61. Черных А.В. Указ. соч. С. 121.

62. Ленты имели особое значение в свадебной обрядности Среднего Прикамья. В Усть-Качкинской свадебной традиции сосватанная невеста в знак своей чистоты и непорочности (дивьей красоты) вешала на «божницу», на которой в «красном углу» избы стояли иконы, алую ленту. Эту ленту она затем брала с собой в церковь. Во время венчания ленту вкладывали в Евангелие и оставляли в храме. Потерявшей до венца девственность невесте вешать на иконы алую ленту было нельзя («болеть будешь»). Синяя лента, которая в других свадебных традициях полагалась «пробованной» невесте, в Усть-Качке означала, что невеста сирота. (Про ленты, их назначение и цветовую символику записано О.Г. Гайдашом в 2018 году от Валентины Павловны Зелениной, с. Усть-Качка, 1930 г. р.).

В Куединской свадебной традиции ленты использовались несколько иначе, хотя в общем виде их символика была схожей с Усть-Качкинской. «Символом девичества и «дивьей красоты» были ленты. Выйдя замуж, женщина уже никогда не заплетала одну косу и не вплетала в косы ленты. Уже с началом «девишника» на окна развешивали ленточки, которые висели до последнего дня, когда невеста прощалась с дивьей красотой: «На девишнике девки сидят, на окошко ленточки повесят. Кто идёт – знает, здесь девишник, скоро свадьба. С окон, когда красоту отдают, ленточки кладут на тарелочку... Ленточки потом девкам раздавали, которые песни поют. Ленточки на окошко навешивают, на верёвочку. В магазине покупали хорошие ленточки, алые и зелёные» (Черных А.В. Указ. соч. С. 30). «На девишник каждая девка невесте ленту несла, заплетала. Когда невесту расплетали – девки ленты обратно забирали...» (Черных А.В. Указ. соч. С. 71). «Девки косу расплетают, песни поют, чтоб невеста плакала. Ленточки раздают подружкам-те...». Одну ленточку из косы невеста брала с собой в церковь, где должна была положить её в Евангелие. «На Еван-

гель ленточки клали, не виновата если грехом. Поп держит Евангель над головой, тут молода и кладёт ленточку...» (Черных А.В. Указ. соч. С. 118).

63. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 54.

64. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 54.

65. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 54–55; Черных А.В. Указ. соч. С. 121.

66. Черных А.В. Указ. соч. С. 71.

67. Чагин Г.Н. Колва. Чусовское. Печора: история, культура, быт. От древности до 1917 года. – Пермь, 2017. С. 581.

68. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 43–44.

69. Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 46.

* * *

Странно, но описывая свадебные обряды, И.П. Зеленин нигде даже не упоминает о **ДОВЕНЕЧНОЙ БАНЕ**.

Во всех свадебных традициях Среднего Прикамья этот обряд постоянно присутствует.

«Баня (или ритуальное омовение, присутствующее во всех обрядах перехода) выполняет очистительную функцию» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 35).

«Накануне свадебного дня невесту водили в баню. (...) Когда подружки вели невесту в баню, начинали исполняться первые свадебные причитания. «В баню идут тоже песни поют...» (с. Урталга, 1912). (...)

*Ой, благослови-ко, родимая мамонька,
Ой, что сходить мне в баню попариться,
Ой, не помыться, не попариться,
С дивьей красотой на роستانьца,
С дивьей красотой во последний ...
(с. Урталга, 1912)*

*Благослови-ко родима мамонька,
Во последний я у вас в баню пойду,
Во последний батюшкино строенье посижу,
Во последний веничком попарюсь...*
(д. Куеда, 1927)

В бане невеста обязательно должна была бросить мыло, либо брызнуть водой «взад себя». Считалось, что та девушка, на которую попала вода или мыло, следующей выйдет замуж. «Мыло невеста в бане в девок бросала, в ково попадёт, та и первая выйти замуж должна. Через себя мыло бросали...» (с. Урталга, 1912) (...) «Она вот там значит, как будет мыться, брызжет водой. Взад брызжет водой, на ково попадёт, та девушка значит тоже замуж выйдет...» (д. Никольск, 1922).

Из бани невесту тоже выводили с причитаниями: «Обычно там старухи пели, бабы. Из бани идут, эти песни поют, жалостные. Что последний раз ты из бани идёшь у отца, у матери...» (д. Куеда, 1927).

После бани невесте в последний раз заплетали девичью косу. «Из бани приведут, невесту заплетают» (с. Урталга, 1912); «Из бани невесту приведут, невеста на колени. Мать ей косу заплетает. Заплетут. Наревутся» (с. Урталга, 1924) (Черных А.В. Указ. соч. С. 23–24).

«Накануне свадьбы невесту водили в баню. «Тоже с песнями. Невеста ревёт. На голый полук не садится, веник кладут...» (В. Сава, 1912); «Накануне свадьбы в баню девки водят невесту. Баню по-чёрному топят. В бане головёшки нельзя колотить, а то мужик будет бить. В бане жалобны песни поют, невеста плачет» (с. В. Сава, 1909) (Черных А.В. Указ. соч. С. 116).

«Потом перед свадьбой её ведут в баню. Все девчонки, что шьют, её потом ведут в баню. Невеста берёт мыло и кидает это мыло. Кто поймает это мыло, тот замуж выйдет

в тот же год. В бане-то песни не пели. Невеста ревела, всё равно ведь не хочется с девичьей жизнью прощаться, швей её уговаривают. Расплетание косы было после бани, частушки пели:

Не ходите, девки, замуж,

Не ходите, милочки,

Не плетите русу косу

На две половиночки» (Болдырева В.Г. Указ. соч. С. 195).

В этом описании свадебного обряда довенечной бани в д. Нижний Армязь Камбарского района можно заметить некоторые отличия: хотя песен, чтобы разжалобить невесту в бане не пели, «невеста ревела», а после бани пели частушки. Здесь наглядно проявляется сочетание двух типов обряда – «свадьба – похороны» и «свадьба – веселье».

Следует с высокой долей вероятности предполагать, что обряд вождения невесты в баню в Усть-Качкинской свадебной традиции всё же был. К сожалению, теперь в Усть-Качке уже нет тех, кто мог бы однозначно ответить на вопрос о довенечной бане.

Несколько слов о диске и фотографиях

Думаю, что книга была бы не полной без воспроизведения свадебных песен в исполнении носительниц песенных традиций «Усть-Качкинской свадьбы».

Ещё в 1950-е годы Иван Петрович Зеленин при участии учителя физики Усть-Качкинской средней школы Виктора Степановича Болотова осуществил магнитофонную запись свадебных песен села Усть-Качка.

До нашего времени дошла всего одна магнитофонная лента, оцифровка которой представляет технические сложности и является делом будущего.

В начале 1960-х годов, работавшая в Пермской области фольклорная экспедиция Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, записала в Усть-Качке большое количество песенного материала, среди которого были и песни свадебного обряда. Записанные на магнитофонную ленту они до сих пор, к сожалению, не оцифрованы. Начатая в недавнем времени переписка с заведующей центром народной музыки консерватории, профессором Натальей Николаевной Гиляровой даёт надежду на получение этих записей в будущем.

В 1977 году я таскал тяжеленный, 10–12 кг, магнитофон «Юпитер» через всю Усть-Качку в дом Марии Ефимовны Обориной (Зелениной) и тоже записывал усть-качкинские свадебные песни.

В 2018 году стараниями Елены Васильевны Веселковой

и Игоря Петровича Назарова эти магнитофонные записи были оцифрованы.

Отредактировала записи, оформила и записала диск свадебных песен Екатерина Владимировна Чуйкина, без деятельного участия которой этой книжки не было бы.

На диске представлено большинство песен свадебного цикла, тексты которых приведены в «Усть-Качкинской свадьбе». Помимо свадебных песен на диске записан «Рождественский тропарь» и народная песня «У зари, у зореньки...». Пели Мария Ефимовна Оборина (Зеленина), Лидия Ефимовна Зеленина, Ираида Ивановна Зеленина, Клавдия Семёновна Губина, Наталья Семёновна Губина, Мария Степановна Ходырева. Кажется, пел кто-то ещё, кого я не запомнил. Пусть они простят меня.

В качестве иллюстраций в книге использованы подлинные фотографии. В конце XIX в., да и в начале XX в. фотограф с его громоздким аппаратом был редким гостем в деревне, поэтому фотографий того времени, запечатлевших свадьбу в Усть-Качке, мы не нашли.

Фотография свадьбы в соседней с Усть-Качкой деревне Горшки происходит из деревни Луговая. Там её в куче мусора обнаружила Мария Павловна Дубовикова (Усть-Качкинцева). По её словам, фотография была сделана незадолго до Первой мировой войны.

Многие изображённые на ней парни погибли на фронте. На фотографии одни мужчины, и это заставляет усомниться – действительно ли это свадьба? У гармониста, что в центре фотографии, через плечо украшенная кружевами лента. Может быть, это «дружка»?

Фотографии свадьбы в Усть-Качке сделаны в 1951 году. Это свадьба Валентины Павловны Зелениной (Ермаковой) и Павла Андреевича Зеленина (Пампуры).

О.Г. Гайдаш

Свадьба (?) в д.Горшки. 1910-е гг.

Свадьба В.П.Зелениной. с.Усть-Качка. 1951 г.

На свадьбе В.П.Зелениной. 1951 г.

Ряженный на свадьбе В.П.Зелениной. 1951 г.
(Геннадий Павлович Зеленин, “Гена-Рюха”)

Ряженные на свадьбе В.П.Зелениной. 1951 г.

На свадьбе В.П.Зелениной. 1951 г.

Работа над “Усть-Качкинской свадьбой”. 2019 г.

Валентина Павловна Зеленина
и Олег Георгиевич Гайдаш. 2019 г.

Оглавление

Предисловие (О.Г. Гайдаш)	3
И.П. Зеленин. Усть-Качкинская свадьба	10
Заключение (О.Г. Гайдаш)	62
Послесловие (О.Г. Гайдаш)	73
Комментарии и примечания (О.Г. Гайдаш)	78
Несколько слов о диске и фотографиях (О.Г. Гайдаш)	99
Иллюстрации	101

Иван Петрович Зеленин

Усть-Качкинская свадьба

Составление, предисловие, заключение, комментарии
и примечания *О.Г. Гайдаша*

На обложке акварель художника *Ю.И. Заботина*

Дизайн обложки, макет *Е.В. Чуйкиной*

Оцифровка аудиозаписей *Е.В. Веселковой, И.П. Назарова*

Фотографии из личных архивов *О.Г. Гайдаша, В.П. Зелениной*

Издатель *П. Г. Богатырев*
Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем Богатыревым П.Г.
ОГРН 304590427400071.

Подписано в печать 05.07.2019
Бумага «ВХИ». Формат 60 х 84 1/16. Печ. л. 6,4.
Тираж 100 экз.

**Принимаем заказы на тиражирование печатной продукции
и изготовление книг и брошюр.**

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122.
Тел./факс 236–53–53
E-mail: klenprint@yandex.ru

